БЕСѢДЫ

О БОГѢ

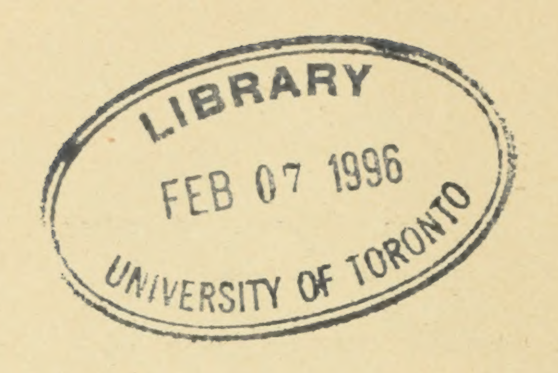
И

БОЖІЕЙ ПРАВДѢ.

Священника

Г. Петрова.

[Типог]рафія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.
МОСКВА.—1903.



Отъ с.-петербургскаго духовно-цензурнаго комитета печатать дозволяется. С.Пб., 31 января 1903 года.

Цензоръ *іеромонахъ Филаретъ*.

I.

О БОГѢ.

„Бога не видѣлъ никто никогда“, сказано въ Евангеліи (Іоан. 1, 18), однако, вѣра въ Бога существуетъ у всѣхъ людей. Еще древній греческій писатель, историкъ Плутархъ, который много путешествовалъ и много видѣлъ разныхъ странъ и народовъ, писалъ: „обойдите вы всю землю, вы увидите много во всемъ различій: вы увидите селенья, гдѣ нѣтъ никакихъ законовъ; увидите людей, которые не знаютъ, что такое деньги; встрѣтите города безъ укрѣпленій, цѣлыя племена, не имѣющія жилищъ, но нигдѣ вы не найдете страны или народа, среди которыхъ не строились бы алтари и жертвенники, гдѣ не сжигались бы жертвы и не возносились бы молитвы къ Небу“.

На чемъ основана эта всеобщая вѣра людей въ Бога? Прежде всего на непосредственномъ чутьѣ, на прирожденномъ религіозномъ чувствѣ.

Каждый, вѣроятно, знаетъ по себѣ, что чужой пристальный взглядъ, устремленный на насъ, даетъ намъ себя чувствовать. Мы сидимъ за книгой, заняты дѣломъ, ведемъ разговоръ,

вдругъ чувствуется намъ не по себѣ. Мы невольно оборачиваемся, подымаемъ глаза и видимъ, что на насъ пристально смотрятъ, какъ бы заставляя взоромъ и насъ отвѣтить тѣмъ же.

Бываютъ случаи еще большей чувствительности и отзывчивости на стороннее присутствіе. Люди, случайно попавшіе въ громадное темное помѣщеніе, подъ вліяніемъ особенно усилившейся отъ страха или чего иного впечатлительности, безошибочно угадываютъ, есть кто съ ними тутъ вмѣстѣ или нѣтъ, несмотря на полную тишину и темноту. Никого не видно и не слышно, а чувствуется, что кто-то есть.

Такъ и все человѣчество на землѣ. Мы видимъ только окружающій насъ міръ, но сердцемъ чуемъ, что есть Кто-то выше міра, что мы не одни здѣсь на землѣ, что на насъ устремленъ издали Чей-то пристальный взглядъ, и люди всюду озираются, ищутъ невидимое, но чувствуемое Существо.

Изученіе міра, знакомство съ окружающей природой еще болѣе убѣждаетъ человѣка, что, разъ существуетъ этотъ мудро устроенный міръ, — есть и Тотъ, Кто это все создалъ.

Обыкновенно принято думать, что наука, изученіе природы и вообще просвѣщенный человѣческій разумъ подрываютъ и разрушаютъ вѣру. Это — глубокая ошибка. Истинно просвѣщенный разумъ не врагъ вѣры, онъ — ея опора и свѣтильникъ. Отымите у вѣры разумъ, и она утеряетъ свою высшую цѣнность, ста-

Гіеронъ и мудрецы.

нетъ вѣрой слѣпой: она будетъ уже не вѣра, а суевѣріе.

Вѣру въ Бога можетъ отрицать только поверхностное образованіе, которое лишь пригубило съ края чашу знанія и самоувѣренно полагаетъ, что ему все ясно, все доступно и все вѣдомо. Истинное же просвѣщеніе, которое основано на познаніи тайнъ земли и неба, на уясненіи законовъ природы, неизбѣжно приводитъ человѣка къ Богу. Изученіе необъятной книги Божіей, имя которой — вселенная, заставляетъ величайшихъ ученыхъ въ каждой страницѣ, въ каждой строчкѣ этой книги, въ движеніи небесныхъ міровъ и въ жизни самой ничтожной букашки видѣть ясно начертанное имя Творца.

Знаменитый англійскій ученый и глубокій мыслитель Бэконъ, отецъ опытной науки, говоритъ, что задача настоящей науки и философіи должна состоять въ томъ, чтобы человѣчество дошло до совершеннѣйшаго пониманія Творца и что лучшимъ средствомъ для этого, послѣ Священнаго Писанія, служитъ опытное изученіе міра. И эти слова Бэкона тѣмъ яснѣе каждому серіозному мыслителю, чѣмъ глубже его умъ, чѣмъ шире его познанія.

Возьмите, напримѣръ, Ньютона, который объяснилъ законы движенія всѣхъ міровъ вселенной. Другіе великіе ученые не находятъ достаточно словъ, чтобы прославить его, а самъ этотъ великій Ньютонъ говорилъ о себѣ:

„Не знаю, чѣмъ я кажусь міру, но себѣ я представляюсь ребенкомъ, который играетъ на берегу моря и собираетъ гладкіе камни и красивыя раковины, межъ тѣмъ какъ великій океанъ глубоко скрываетъ истину отъ его глазъ“. Такъ скромно онъ судилъ, великій геній ума и науки, о себѣ, а къ Божеству, наоборотъ, онъ относился съ такимъ благоговѣніемъ, что даже на улицѣ не произносилъ имя Божіе съ покрытой головой.

Знаменитый математикъ и естествоиспытатель Амперъ, создавшій новую науку — электродинамику, въ одномъ изъ своихъ писемъ совѣтуетъ молодому ученому: „Берегись исключительно заниматься наукой, какъ ты это дѣлалъ прежде. Учись, изслѣдуй земное: это обязанность мужа науки; но на видимый міръ смотри однимъ глазомъ, другой неустанно обращай къ вѣчному свѣту. Одной рукой изслѣдуй природу, а другою, какъ дитя за одежды отца, держись за край Божіей ризы“.

Примѣры Ньютона, Кеплера, Галилея, Ампера, Либиха, Пастера и многихъ другихъ крупныхъ свѣтилъ ума и знанія ясно доказываютъ, что къ безбожію приводитъ только научное верхоглядство, а серіозное знаніе, истинная наука ведутъ человѣка къ Богу. Но подсказывая и доказывая существованіе Бога, сердце и разумъ человѣка не идутъ дальше. Они не могутъ разгадать тайну Божія существа. Знать Божество не дано человѣку.

Божіе знаетъ только Богъ, а человѣкъ можетъ знать лишь человѣка.

Задолго до Рождества Христова въ Сициліи былъ государь, по имени Гіеронъ. Онъ имѣлъ у себя при дворѣ много мудрецовъ, среди которыхъ особенно выдѣлялся нѣкто Симонидъ.

Однажды Гіеронъ пригласилъ его къ себѣ и говоритъ:

— Симонидъ, много ты мнѣ услугъ оказалъ. Съ какимъ бы я недоумѣніемъ къ тебѣ не обращался, ты мнѣ всегда давалъ мудрый совѣтъ и все разъяснялъ. Напряги твою мудрость: объясни мнѣ, что такое Богъ.

— Трудный вопросъ ты предлагаешь мнѣ, государь, — сказалъ Симонидъ. — На него вдругъ не отвѣтишь. Позволь мнѣ день - другой подумать.

— Хорошо! — согласился Гіеронъ.

Прошло два дня: пришелъ къ царю Симонидъ. Гіеронъ ждетъ объясненія, а мудрецъ, вмѣсто отвѣта, проситъ еще четыре дня подумать:

— Трудная дума! — говоритъ Симонидъ.

— Знаю, что трудная,—отвѣчаетъ Гіеронъ.— Потому и обратился къ тебѣ, что мудреная загадка; будь легче, просилъ бы разгадать другого... Иди, думай.

Прошло еще четыре дня. Симонидъ проситъ новой отсрочки.

— Позволь еще восемь дней, государь.

Гіеронъ нахмурился.

— Ты шутишь, Симонидъ! Просилъ два дня, потомъ четыре, теперь восемь. Пройдутъ эти дни, — пожалуй, станешь просить шестнадцать, а затѣмъ тридцать два. Когда же ты дашь мнѣ отвѣтъ?

— Ты угадалъ, государь,— спокойно сказалъ Симонидъ. — Прошло бы восемь дней, я сталъ бы просить шестнадцать, затѣмъ тридцать два, а тамъ шестьдесятъ четыре и такъ дальше, все вдвое и вдвое—безъ конца. Что же касается отвѣта, то, мнѣ кажется, я уже далъ тебѣ его.

— Какъ далъ? — удивился Гіеронъ. — Ты ничего еще мнѣ не сказалъ о Богѣ, а все просилъ новыхъ и новыхъ прибавокъ.

— Вотъ это и есть мой отвѣтъ, — сказалъ Симонидъ. — Твой вопросъ, государь, не по силамъ никакому мудрецу. Что о немъ больше думаешь, то меньше понимаешь; приходится просить новыхъ и новыхъ дней. Этотъ вопросъ — все равно какъ гора. Издали смотришь, и то кажется громадой,—а что ближе подходишь, то она все болѣе высится и растетъ, и ты передъ ней чувствуешь себя такимъ маленькимъ, жалкимъ, ничтожнымъ. А если гору не обхватить и не покрыть рукою, какъ же ты хочешь, государь, умомъ обхватить Того, Кто создалъ и гору и человѣка?

Понялъ Гіеронъ слова Симонида, благоговѣйно поднялъ къ небу глаза и произнесъ:

— Да, Богъ невѣдомъ и непостижимъ!

Церковный писатель, блаженный Августинъ, разсказываетъ о себѣ подобный же случай. Онъ написалъ много сочиненій въ объясненіе христіанской вѣры и жизни и задумалъ книгу о Богѣ. Принялся за работу. Съ утра сѣлъ за столъ; написалъ заглавіе: „О Богѣ“, и сталъ думать, какъ лучше выяснить людямъ, что такое Богъ. Думалъ онъ долго и напряженно, но не выходило ничего. Усталъ Августинъ отъ напряженной думы. Разболѣлась голова. Пошелъ на берегъ моря освѣжиться.

Идетъ по песку, думаетъ о своемъ замыслѣ и видитъ: сидитъ ребенокъ, выкопалъ ямочку, достаетъ кускомъ битаго горшка воду изъ моря и переливаетъ въ ямочку.

— Что ты тутъ дѣлаешь, милое дитя?—спросилъ Августинъ.

— Я сдѣлалъ ямочку и хочу перелить сюда всю воду изъ моря, — сказалъ ребенокъ, продолжая свое дѣло.

Августинъ улыбнулся и пошелъ дальше со словами:

— Какія наивныя бываютъ дѣти! Какъ они мало понимаютъ! Вотъ, напр., это дитя думаетъ маленькимъ черепкомъ перелить все море въ крохотную ямочку.

Думы Августина вернулись къ прежнему, и онъ спохватился тогда:

— А я развѣ не такой же ребенокъ? Своимъ слабымъ умомъ хочу схватить и другимъ пе-

редать раскрытою всю сущность безконечнаго существа Божія. Малому не вмѣстить Великаго, и для него достаточно, если оно, малое, преклонится передъ Великимъ, отдастъ себя волѣ Его, будетъ стараться познать эту волю и въ жизни исполнять ее.

II.

О БОЖЬЕЙ ВОЛѢ.

Въ 1846 году была открыта новая планета Нептунъ. Открыта она была необычайнымъ образомъ: въ кабинетѣ ученаго, за письменнымъ столомъ. Лѣтъ за 25 раньше наблюдали другую планету — Уранъ. Вычислили путь движенія и слѣдили за нимъ. Оказались неожиданныя уклоненія. Ученые недоумѣвали. Тогда нѣкто — французъ Лаверрье — предположилъ, что за Ураномъ должна быть другая планета, которая своимъ притяженіемъ и вліяетъ на уклоненія Урана отъ предположеннаго для него учеными пути.

Лаверрье въ 1845 году сѣлъ за вычисленія и скоро опредѣлилъ величину и мѣсто новой, невѣдомой раньше планеты. Въ Берлинѣ, гдѣ была и лучшая небесная карта и лучшая труба для наблюденій, стали искать въ указанномъ мѣстѣ небеснаго свода предполагаемую планету и, дѣйствительно, нашли.

Какая, стало-быть, точность движеній въ небесныхъ мірахъ, если, знаючи, въ любую данную

минуту можно найти въ небесномъ океанѣ любую, утонувшую тамъ звѣзду! Какъ строго, значитъ, все идетъ по разъ намѣченнымъ законамъ! И этимъ законамъ подчинена вся міровая жизнь— какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ, жизнь солнца и океана, жизнь былинки и капельки воды. Въ громадной міровой машинѣ каждая гайка, винтикъ и нарѣзка подчинены Высшему Разуму. Въ Евангеліи говорится, что безъ воли Божіей даже волосъ не падаетъ съ головы человѣка.

Если это такъ, то почему тогда на землѣ среди людей столько всякаго неустройства, почему жизнь наша порою бываетъ такъ безвыходно тяжела? Отвѣтъ даетъ древній мудрецъ, Эпиктетъ. Онъ говоритъ: „Богъ создалъ людей для радости и блаженства, а никакъ не для горя и страданій. Если же люди бываютъ несчастны, въ томъ виноваты они сами: они, значитъ, не согласуютъ свою жизнь съ разумной волей Творца“.

Въ жизни — какъ въ хорѣ. Пѣніе идетъ стройно, и голоса звучатъ согласно, если поющіе прислушиваются къ заданному управителемъ тону и слѣдятъ за его указаніями.

Для корабля намѣченъ путь, и его пустили въ этомъ направленіи. Если онъ вѣрно будетъ держать руль, то благополучно прибудетъ въ гавань. Если же собьется съ пути, то можетъ сѣсть на мель, натолкнуться на подводные

камни, разбиться о прибрежныя скалы. Такъ и въ жизни человѣческой.

Человѣкъ воленъ поступать, какъ ему угодно. Онъ можетъ плыть туда и сюда, поворачивать во всѣ стороны. Онъ самъ себѣ выбираетъ и строитъ путь жизни, но благополучіе его пути будетъ тогда только надежно, если этотъ путь есть путь воли Божіей.

Если желѣзная дорога строится по всѣмъ правиламъ искусства: насыпь дѣлается прочно, шпалы кладутся крѣпкія, новые рельсы укрѣпляются твердо, паровозъ и вагоны исправны и машинистъ при нихъ надежный, — поѣздъ никогда не сойдетъ съ пути, не будетъ никакого крушенія. Если же все дѣлается кое-какъ, валится черезъ пень колоду, пренебрегаютъ самыми основными правилами строительнаго искусства, — какое нибудь несчастіе съ поѣздомъ неизбѣжно. На все есть свои правила, на все свои законы, и пренебрегать безнаказанно ими невозможно. То же и въ жизни человѣка.

Какъ нельзя, не засоривъ желудка и не разстроивъ здоровья, глотать вмѣсто здоровой пищи опилки, глину, камни и песокъ, такъ нельзя, не разстроивъ жизни и не засоривъ души, жить по своимъ прихотямъ, кормиться зломъ и неправдой. Жизнь міра идетъ по законамъ Творца; жизнь человѣка должна согласоваться съ волей Бога. Поэтому — высшая мудрость человѣка не въ томъ, чтобы разга-

дать всѣ тайны жизни неба и земли, а въ томъ прежде всего, чтобы понять задачу нашей жизни, уразумѣть, что есть воля Божія, почему Спаситель и говоритъ людямъ: „Ищите *прежде всего царства Божія и правды Его*“ (Мѳ. 6, 33).

Гдѣ же искать этой правды? Кто можетъ сказать человѣку, что̀ есть воля Божія?

Знаніе, наука объясняютъ человѣку, какъ міръ и люди живутъ *физически*, а какъ человѣкъ долженъ жить духовно, что слѣдуетъ дѣлать, чтобы общее и свое благо устроить,— того наука сказать не въ силахъ. Это объясняетъ намъ религія. Она передаетъ, что Богъ открылъ людямъ о Себѣ и о Своей волѣ.

Въ главномъ датскомъ городѣ, Копенгагенѣ, въ соборѣ есть статуя замѣчательной работы. Стоитъ колѣнопреклоненный ангелъ съ большою раковиною въ рукахъ. Глаза молитвенно подняты къ небу. Раковина пуста. Она ждетъ чтобы Господь заполнилъ ее.

Раковина эта — символъ человѣческой души. Душа людская получаетъ благодатный дождь, дождь истины, высшую мудрость отъ Бога.

Свою мудрость, Свое откровеніе Господь посылалъ и посылаетъ всѣмъ людямъ изобильно, но не всѣ могутъ воспринять. Надъ безводною страною проносится ливень. Благодатный дождь струится потокомъ, но живительную влагу собираютъ не всѣ въ достаткѣ. Одни собираютъ ее большою кадкою, другіе — кувшиномъ, третьи — при-

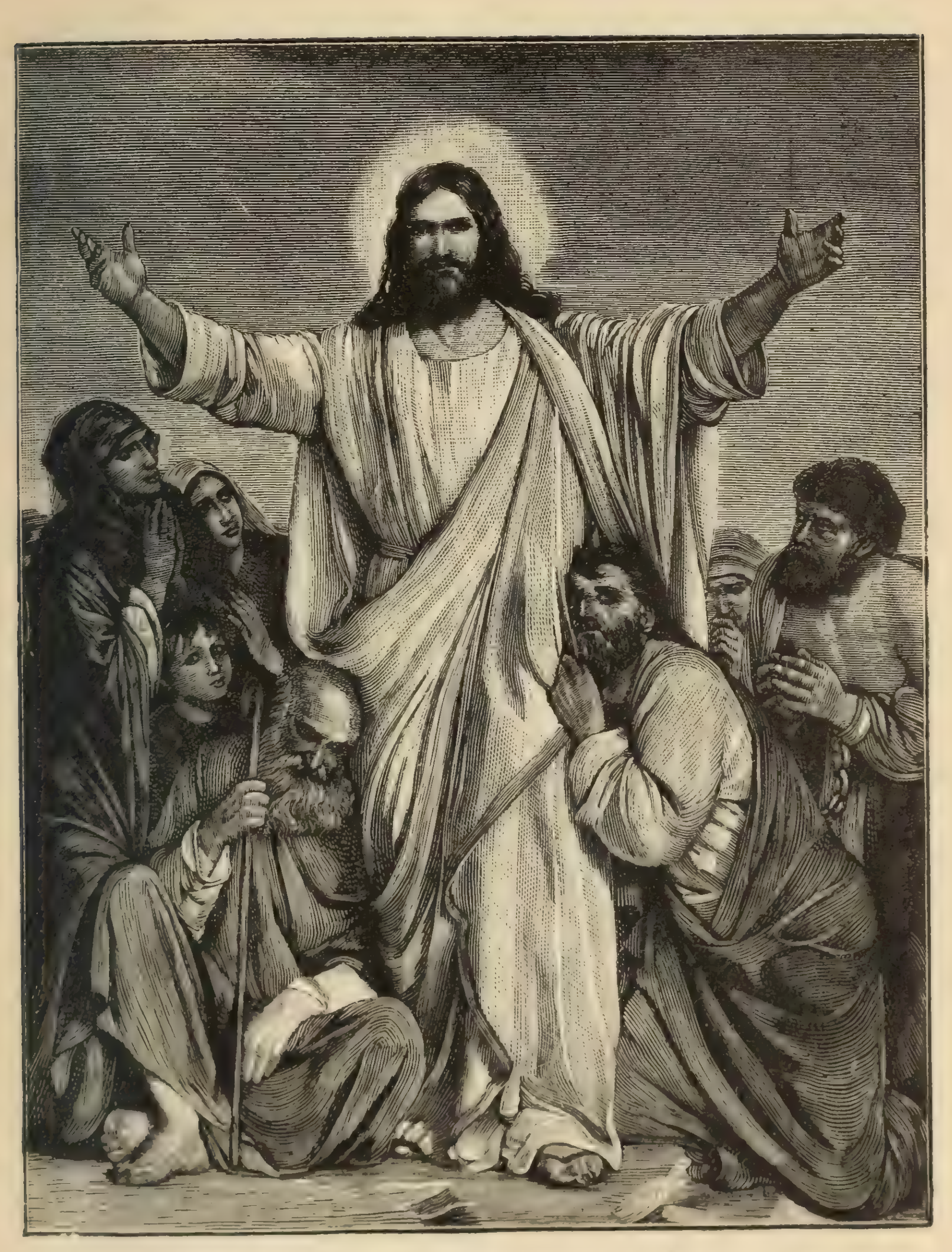
горшней. Запасъ воды не у всѣхъ будетъ одинаковъ.

Не всѣ одинаково и чисто воспринимаютъ Божію мудрость. На небѣ солнце свѣтитъ ярко, посылаетъ свои лучи въ изобиліи всюду; но у людей въ домахъ свѣтъ различный, смотря по тому, сквозь какія окна будутъ проходить солнечные лучи. Въ однихъ вставлено стекло, въ другихъ — промасленная бумага, въ третьихъ — бычачій пузырь, въ четвертыхъ — ледяная пластинка, въ пятыхъ — тонкій слой слюды. У иного при этомъ еще всѣ окна густо покрыты пылью. На улицѣ ясный день, а у него полныя сумерки.

Въ потемкахъ же плохая работа: то возьмешь не то, что надо, то положишь не туда, куда слѣдуетъ, то вещь разобьешь, то самъ ушибешься, то споткнешься и упадешь, то другое зацѣпишь, уронишь. Такъ и идетъ все съ изъяномъ, а причина одна — темнота.

Вотъ, и становится теперь понятнымъ, почему въ жизни нашей столько неустройствъ и недочетовъ. Живемъ мы въ потемкахъ; не видимъ ясно воли Божіей; не понимаемъ часто, что добро, что зло; не умѣемъ различить, чтὸ есть воля Божія, чтὸ собственная прихоть, блажь людская. Спаситель говоритъ: „заблуждаетесь, не зная писаній ни силы Божіей“.

Голова и сердце у людей были заняты не тѣми думами и заботами, чтобы найти вѣрный путь жизни. На иное совсѣмъ люди смотрѣли



Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные.

и сбились съ дороги; забрели въ такую чащу, что мѣстами и свѣту Божьяго не видно. Лѣсъ, дремучій лѣсъ кругомъ, — лѣсъ неправды, беззаконія, распутства и всякаго зла.

Надо выбираться изъ этого лѣса, не забираться дальше вглубь, а искать выхода, просвѣта, стараться найти вѣрную дорогу.

Теперь жизнь для большинства изъ насъ — тяжелая повозка, которую мы тащимъ отъ колыбели до могилы. Впрягшись въ нее, мы тащимъ, обливаясь потомъ, задыхаясь, падая и увязая въ грязи. Все это потому, что ѣдемъ не по той дорогѣ, гдѣ надо. Въ топкомъ болотѣ и въ дремучей чащѣ дорога не можетъ не быть ухабистой, размытой, кочковатой. Тамъ повозка не можетъ не ломаться, не увязать по ступицу, не останавливаться. Надо перемѣнить дорогу, выбрать новый, ровный, безъ рытвинъ, твердый, надежный путь. Надо по-новому наладить и обстановку жизни. Въ дорогѣ много значитъ и запряжка въ повозку. Если не ладно пригнанъ хомутъ, онъ намнетъ холку, натретъ шею. Поэтому Спаситель и говоритъ: „Возьмите иго *Мое* на себя и научитесь отъ Меня... ибо иго Мое благо и бремя Мое легко“ (Мѳ. 11, 29—30).

Когда мы заблудимся въ лѣсу и не можемъ сами выйти на дорогу, мы начинаемъ кричать, аукать, не откликнется ли кто. То же и въ жизни; всѣ мы сбились съ праваго пути, всѣ не знаемъ часто, куда идемъ. Нужна помощь.

Спаситель и даетъ ее. Онъ зоветъ къ Себѣ насъ, заблудшихъ и усталыхъ, говоря: „Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные; Я успокою васъ“.

Пойдемъ за Нимъ и научимся жизни у Него!

III.

ХРИСТОСЪ-СПАСИТЕЛЬ.

Маленькій іудейскій городъ, Виѳлеемъ, засыпалъ. Южная звѣздная ночь спустилась надъ полями и покрыла землю своимъ темнымъ покровомъ; только вдали ярко свѣтился огонекъ костра. То пастухи бодрствовали на стражѣ своихъ стадъ. Все было тихо; лишь изрѣдка доносился лай сторожевой собаки, или слышалось сонное блеяніе овцы. Вдругъ въ надзвѣздныхъ горнихъ мірахъ раздалась звенящая пѣснь ангеловъ, — пѣснь мира, любви и прощенія. При такой обстановкѣ 1902 года тому назадъ родился Христосъ Сынъ Божій, снизошла на землю Божія Правда.

Младенцу Христу не нашлось мѣста въ домѣ. Первымъ пріютомъ для Него была пещера, куда загоняли овецъ, а колыбелью — ясли для корма скота. Теперь эта пещера богато убрана. Полъ выстланъ мраморомъ; своды задернуты шелкомъ; съ потолка спускаются ряды серебряныхъ и золотыхъ лампадъ, но пещера ничего не выиграла отъ этого убранства. Она дорога христіанамъ не своей роскошью, а тѣмъ,

что тутъ снизошла на землю Божія Правда. Эта Правда не нуждается во внѣшнихъ прикрасахъ. Она прекрасна Сама по Себѣ. Потому Сынъ Божій и пришелъ къ людямъ въ видѣ Сына бѣдной Дѣвы Маріи, родился въ пещерѣ и впослѣдствіи не имѣлъ мѣста, гдѣ главу приклонить. Кому надобна была корысть, какой-нибудь расчетъ, — тому незачѣмъ было итти за Іисусомъ, — а кому нужна была истина, тотъ пойдетъ за ней и къ „нареченному“ Сыну плотника Іосифа.

Къ яслямъ Спасителя пришли поклониться сначала бѣдные пастухи, а потомъ мудрецы дальнихъ странъ, волхвы, которые принесли дары — золото, ладанъ и смирну. Существуетъ трогательная легенда о четвертомъ волхвѣ, Артабанѣ, про котораго въ Евангеліи не говорится ни слова. Легенда говоритъ, что этотъ мудрецъ, завидѣвъ яркую звѣзду на небѣ, захотѣлъ также поклониться Новорожденному Христу. Продалъ онъ всѣ свои дворцы и помѣстья и купилъ три дивныхъ, рѣдкихъ, драгоцѣнныхъ камня. Надо было съѣхаться съ остальными. Онъ спѣшилъ. Оставались послѣдніе часы. Артабанъ ѣхалъ лѣсомъ и увидѣлъ въ глубокомъ обморокѣ изнуреннаго тяжелой лихорадкой еврея. Какъ быть? Остаться съ больнымъ, — къ друзьямъ опоздаешь: уѣдутъ одни; оставить еврея безъ помощи, — совѣсть не позволяетъ. Долго колебался Артабанъ, наконецъ, жалость побѣдила.

— Ты Самъ — Любовь, — обратился мысленно Артабанъ къ Новорожденному Царю. — Нельзя Тебѣ служить безъ жалости въ сердцѣ.

Много часовъ прошло, пока еврей оправился. Былъ уже полдень: къ друзьямъ было поздно. Еврей, однако, утѣшилъ Артабана: „Я не знаю, родился ли Мессія; но если Онъ родился, то въ Виѳлеемѣ. Пусть твои друзья уѣхали. Ты снаряди самъ караванъ и поѣзжай въ Виѳлеемъ“. Артабанъ такъ и сдѣлалъ: продалъ одинъ камень, выручилъ бездну денегъ и съ караваномъ двинулся въ Виѳлеемъ. Прибылъ туда. Опять оказалось поздно. Марія съ Іисусомъ уѣхали въ Египетъ а на улицахъ Виѳлеема шла рѣзня .Воины Ирода избивали дѣтей. Хозяйка дома, гдѣ остановился Артабанъ, была матерью младенца и молила спасти дитя. Не помня себя отъ жалости, Артабанъ досталъ второй камень и отдалъ начальнику отряда: лишь бы онъ пощадилъ малютку. Остался одинъ камень. Съ нимъ Артабанъ въ поискахъ Царя правды исходилъ много странъ. Вездѣ было много горя, страданій, болѣзней, и Артабанъ всѣмъ помогалъ: кому — лаской и утѣшеніемъ, кому — деньгами отъ перваго камня, кому—знаніемъ медицины. Минуло тридцать слишкомъ лѣтъ. Прослышалъ Артабанъ про Іисуса Христа въ Іудеѣ и сказалъ:

— Онъ это. Пойду, поклонюсь Ему послѣднимъ камнемъ.

Пришелъ Артабанъ въ Іерусалимъ. Іисуса Христа вели на Голгоѳу.

— Опять опоздалъ! — вскрикнулъ онъ въ горѣ и бросился къ мѣсту казни. Ему дорогу преградили солдаты. Они вели дѣвушку чудной красоты. Она рванулась къ Артабану и обхватила его колѣни, моля со слезами:

— Самъ Богъ тебя послалъ. Ты по одеждѣ — мой землякъ, а я — одна здѣсь, въ чужомъ городѣ, и меня за долги умершаго отца продаютъ на позоръ. Спаси! Кромѣ тебя, у меня нѣтъ защиты.

Сжалось сердце Артабана. „Не надобенъ, знать, Тебѣ, Господи, мой даръ: ее Ты мнѣ посылаешь. Да будетъ воля Твоя!“ Отдалъ Артабанъ послѣдній камень. Въ это время вздрогнула земля, зашатались зданія. Сверху сосѣдняго дома сорвался камень и поразилъ Артабана. Въ послѣднія мгновенія жизни явился ему въ видѣніи долго искомый Царь правды и сказалъ: „Истинно, истинно говорю тебѣ: все, что ты сдѣлалъ одному изъ меньшихъ братій, сдѣлалъ Мнѣ“. И умеръ Артабанъ радостно, нашелъ и онъ Спасителя, были приняты и его дары.

Прошло со дня рожденія 30 лѣтъ. Іисусъ Христосъ крестился во Іорданѣ, и вотъ мы Его видимъ въ постѣ и молитвѣ въ пустынѣ. Кругомъ — тишина и полное безлюдье. Даль выжжена зноемъ. Христосъ-Спаситель въ глубокой задумчивости: тамъ, за пустыней, также вы-

жжены зломъ и неправдой сердца людскія, и ихъ надо оживить. Духъ зла пытается отклонить Сына Божія отъ проповѣди Евангелія людямъ. Онъ пророчитъ неудачу попыткѣ подчинить людей обаяніемъ любви и красотой добра и совѣтуетъ другія средства для привлеченія учениковъ, предлагаетъ свои услуги для покоренія Іисусу всего міра, лишь бы Онъ слушался его, духа зла, служилъ и поклонялся ему. Спаситель отвѣтилъ, что Богу одному надо кланяться и Ему служить. Тогда оставляетъ Его діаволъ, и се ангелы приступили и служили Ему.

Всякое сообщество добра и зла отвергнуто. Злу и неправдѣ объявлена война не на-животъ, а на-смерть. Сынъ Божій идетъ въ міръ стереть главу змія. Надъ землей занимается заря правды Божіей, наступаетъ день торжества добра.

Начинается проповѣдь Царства Божія. Іисусъ Христосъ ходитъ по городамъ и селеніямъ, проповѣдуя Евангеліе правды. Берегъ моря, камень у колодца, вершина холма среди зеленѣющихъ полей, мраморный притворъ Соломонова храма, бѣдная синагога и горница мытаря и фарисея—Ему одинаково пригодны для призыва людей къ покаянію, къ новой жизни, къ устроенію Царства Божія внутри себя. Вокругъ Него всегда толпы народа. Алчущіе правды, скорбные духомъ и страждущіе тѣломъ жадно тѣснятся къ Нему. Его слова чарующей любви

Видѣніе Артабана.

и взоръ, полный состраданія и всепрощенія, несутъ отраду тысячамъ измученныхъ душою, истомленныхъ жизнью. Народъ благословляетъ Его, называетъ Пророкомъ, чтитъ Сыномъ Божіимъ. На ряду съ этимъ растетъ зависть и ненависть книжниковъ и фарисеевъ. Они стерегутъ каждый Его шагъ и ловятъ каждое слово, клевещутъ на Него; наконецъ, осуждаютъ на смерть.

Приближаются дни страданій. Агнецъ идетъ на закланіе. Праздничный Іерусалимъ высылаетъ толпы навстрѣчу. Слышатся восторженные крики, вѣютъ пальмовыя вѣтви, дорога устлана цвѣтною одеждой, а Іисусъ съ грустью, со слезами во взорѣ смотрѣлъ на народъ.

Жалкіе, темные люди! Онъ идетъ спасти ихъ отъ зла неправды, а они ждутъ, что Онъ спасетъ ихъ отъ зла римскаго ига. Они не понимаютъ, что нѣтъ страшнѣе ига, какъ иго зла и неправды.

И вотъ эти зло и неправда торжествуютъ вовсю. Іисусъ распятъ на Голгоѳѣ. Книжники и фарисеи поносятъ Его. Свершилось!.. Онъ бездыханенъ. Его кладутъ въ гробъ, заваливаютъ камнемъ и налагаютъ печать. Зло проявило всю свою силу, но тутъ же обнаружилось и все его безсиліе, явилось все величіе Божіей Правды: на Голгоѳѣ разбойникъ увѣровалъ во Христа, и сотникъ, видѣвъ все происходившее, сказалъ: „Воистину Онъ былъ Сынъ Божій“ (Мѳ. XXVII, 54). А затѣмъ про-

шло три дня, камень былъ отваленъ и узы сброшены, — Христосъ воскресъ. Истина восторжествовала, побѣдила злобу, освободилась даже изъ могилы,—потому Спаситель и говоритъ:

„Познайте истину, и истина васъ сдѣлаетъ свободными“.

IV.

БОЖІЯ ПРАВДА.

Когда издали смотришь сквозь туманъ, трудно бываетъ разобрать, что передъ тобою; не знаешь даже, столпъ это или человѣкъ. Подойдешь ближе, видишь, что это — человѣкъ, но кто онъ такой, отличить невозможно. И только когда подойдешь вплотную, отчетливо видишь всѣ черты лица. Съ разумѣніемъ правды Божіей бываетъ то же самое. У насъ у всѣхъ стелется передъ глазами густой туманъ житейской неправды, и надо долго и пристально вглядываться, чтобъ сквозь него различить ясно Божію истину. Одна и та же истина Божія издали и вблизи можетъ *показаться* различною. Христосъ Спаситель видѣлъ ясно правду Божію полностію и показывалъ ее людямъ вблизи, а книжники и фарисеи видѣли ее издали, и имъ казалось, что Іисусъ Христосъ за правду Божію выдаетъ что-то совсѣмъ иное. Они обвиняли Его, что Онъ будто бы измѣняетъ законъ Моисея, нарушаетъ ученіе пророковъ. Іисусъ отвѣчалъ имъ: „Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ:

не нарушить пришелъ Я, но исполнить“ (Мѳ. V, 17).

На громадномъ пространствѣ лежатъ золотыя розсыпи. Золотоносный песокъ идетъ пластами одинъ на другомъ, и что рыть глубже, то количество вымытаго золота увеличивается. Если въ верхнемъ пластѣ на сто пудовъ песку вымывается одинъ золотникъ, то во второмъ два-три золотника, въ третьемъ—10, въ четвертомъ—½ фунта и т. д., и т. д. Когда розсыпи разрабатываются грубо, варварски, то обыкновенно кое-какъ промываютъ верхній слой и затѣмъ бросаютъ его; идутъ дальше. Такъ поступали и книжники съ правдой Божіей, данной имъ въ законѣ Моисеевомъ и въ ученіи пророковъ. Они наскоро схватывали поверхность закона и думали, что это все. Спаситель говорилъ, что это ошибка; надо рыть глубже, слѣдуетъ пристальнѣй вглядываться въ Божію правду. Тогда, какъ въ полночный часъ, въ звѣдномъ небѣ сначала увидишь немного звѣздъ, но „*впивайся* въ нихъ очами и увидишь, что вдали, за ближайшими звѣздами, тьмами—звѣзды въ ночь ушли. *Вновь вглядись,* и тьмы за тьмами утомятъ твой робкій взглядъ: всѣ звѣздами, всѣ огнями бездны синія горятъ“. Вотъ всѣ эти огни правды Божіей Спаситель и хочетъ показать близорукимъ людямъ. Онъ не нарушить, не отмѣнить пришелъ правду, данную черезъ Моисея и пророковъ, но раскрыть ее во всемъ ея величіи и блескѣ, *полностію* осуществить.

Ее нарушить нельзя. Она вѣчна. Міръ рушится, а правда Божія будетъ стоять, и, если кто хотя въ маломъ ее повредитъ, самъ ничтожнымъ будетъ, а кто хотя и мало изъ этой правды исполнитъ и другого тому же научитъ, тотъ великимъ наречется въ царствѣ небесномъ. Но ограничиваться навсегда этимъ малымъ никакъ нельзя. Пониманіе правды Божіей книжниками и фарисеями было слишкомъ бѣдное, неглубокое; на немъ нельзя основать настоящую Божію жизнь въ людяхъ. Надо итти дальше въ пониманіи истины. „Если праведность ваша (пониманіе вами ея) не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ,—говоритъ Спаситель ученикамъ,—то вы не войдете въ царство небесное“. И какъ образецъ неглубокаго пониманія фарисеями правды Божіей и должнаго разумѣнія ея учениками, Іисусъ Христосъ приводитъ дальнѣйшія слова:

„Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду (Исход. XX, 13). Я же говорю вамъ, что всякій гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду, кто же скажетъ брату своему „рака“, подлежитъ синедріону, а кто скажетъ „безумный“, подлежитъ гееннѣ огненной“.

Божія правда говоритъ: „не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду“. Іудеи подъ этою заповѣдію разумѣли охрану тѣлеснаго существованія ближняго, его внѣшняго матеріальнаго благополучія. Въ XXI главѣ книги

„Исходъ“ съ удивительною подробностью предусматриваются всевозможные виды ущерба тѣлу ближняго. „Если кто убьетъ ближняго,—говорится тамъ,—тотъ самъ будетъ преданъ смерти; но если убійство случилось нечаяно, виновный можетъ укрыться въ городѣ убѣжища. Если же убійство было намѣренное, то убійцу можно взять даже отъ жертвенника. Если кто въ ссорѣ или дракѣ нанесетъ другому тяжелые побои, тотъ долженъ заплатить пострадавшему за остановку въ его работѣ и дать ему на лѣченіе. Если нанесено будетъ увѣчье, то виновнику будетъ воздано тѣмъ же: глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу, обжогъ за обжогъ, рану за рану, ушибъ за ушибъ. Косвенная причина смерти и та карается смертью. Если кто имѣлъ вола бодливаго и не держалъ его на привязи, а онъ забодалъ человѣка насмерть, хозяинъ самъ платится жизнью“. Такъ до мельчайшихъ подробностей указывается необходимость беречь тѣлесное благополучіе ближнихъ. Но это, конечно, далеко не все. Человѣкъ вѣдь не изъ тѣла только состоитъ. Его словомъ можно поразить,—больнѣе, чѣмъ камнемъ, мечомъ или кулакомъ. Заботы о цѣлости тѣла, это — верхній слой; надо итти глубже—охранять нравственное достоинство человѣка, уважать его личность. Потому Спаситель и добавляетъ: „А Я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего *напрасно*, подлежитъ суду; кто же скажетъ

брату своему: „рака“, подлежитъ синедріону; а кто скажетъ „безумный“, подлежитъ гееннѣ огненной“.

Здѣсь отмѣчаются три вида преступленія противъ правды Божіей, и за нихъ налагаются три рода наказаній: сначала—меньшее, потомъ—большее, наконецъ—самое высшее. Первая ступень преступленія противъ личности ближняго, это—незаслуженное униженіе человѣка, хотя бы только въ помыслахъ. Если я, безъ достаточныхъ данныхъ, считаю другого хуже себя, гнѣваюсь на него незаслуженно, осуждаю въ душѣ напрасно, я самъ за это подлежу суду, навлекаю на себя осужденіе. Унижая чужую личность, даже невѣдомо другимъ, унижаю себя.

„Кто же скажетъ брату своему „рака“, подлежитъ синедріону“, т.-е., суду уже не личному, а общественному. Слово „рака“—сирійское и, какъ замѣчено въ Евангеліи подъ строкой, значитъ—„пустой человѣкъ“, но св. Іоаннъ Златоустый, глубокомысленный толкователь Священнаго Писанія, самъ родомъ сиріецъ, говоритъ: „слово „рака“ не составляетъ большой обиды: оно выражаетъ только нѣкоторое презрѣніе или неуваженіе одного къ другому“. Лучше всего „рака“ передается нашей частицей „ка“ или „эй ты“, т.-е. указываетъ на пренебрежительное отношеніе: „*Эй ты*! поди-*ка*! сдѣлай-*ка*!“—Смыслъ получается такой. Лично только, передъ собой ты унизилъ другого и

Явленіе Христа народу.

тѣмъ уже унизилъ свою личность, навлекъ на себя осужденіе. Если же это твое пренебреженіе къ ближнему ты обнаружилъ публично, далъ это униженному почувствовать своимъ надменнымъ „рака“, прибавкой: „эй ты“,—ты самъ тѣмъ унизилъ себя открыто, подлежишь суду общественному—синедріону.

„А кто скажетъ „безумный“, подлежитъ гееннѣ огненной“. Геенной огненной здѣсь называется одна изъ долинъ около Іерусалима — Генномъ. Въ этой долинѣ евреи нѣкогда, при нечестивыхъ царяхъ, приносили въ жертву живыхъ дѣтей идолу Молоху. Впослѣдствіи идолъ былъ забытъ, но память ужасная осталась за долиной Генномъ. Она стала свалочнымъ мѣстомъ, куда свозили изъ города мусоръ и всякіе отбросы. Чтобы это не гнило и не заражало воздухъ, въ долинѣ всегда поддерживали огонь, которымъ сжигали свезенный мусоръ. Отсюда Генномъ, или Геенна стала называться огненною. И тогда смыслъ евангельскихъ словъ получается такой: „если кто ставитъ ближняго не только ниже себя, а ниже всѣхъ людей, называетъ его „*безумнымъ*“, приравниваетъ къ неразумнымъ скотамъ, тотъ и себя тѣмъ ставитъ ниже всѣхъ людей, приравниваетъ къ нравственному мусору, къ отбросамъ человѣчества, которымъ мѣсто въ огненной геннѣ“. Тутъ мы видимъ, что Спаситель, поясняя заповѣдь „не убивай“, требуетъ не только охраны тѣлеснаго существованія, а еще болѣе—уваженія къ нрав-

ственной личности человѣка. Человѣкъ для человѣка долженъ быть святыней. Это — живой храмъ Божій (1 Коринѳ. III, 16), живой образъ Божества (Быт. I, 26).

Когда мы бываемъ въ царскомъ дворцѣ, ходимъ среди сокровищъ искусства, какъ мы бываемъ осторожны, какъ бережемся что-нибудь толкнуть, задѣть, оцарапать! Ходя же среди людей, пускаемъ въ ходъ локти, кулаки, безцеремонно расталкиваемъ всѣхъ, кто стоитъ на пути. Не понимаемъ, стало-быть, правды Божіей. Слова знаемъ, твердимъ наизусть, другимъ повторяемъ, а, что они полностію значатъ, того не разумѣемъ. Густой туманъ у насъ передъ глазами, далеко мы очень отошли отъ истины: не разглядѣть даже точно очертаній ея. Надо освободиться изъ-подъ туманнаго покрова, надо подойти ближе къ свѣту Божіей правды.

V.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

Въ большомъ помѣщеніи долгое время находилось множество людей. Отъ выдыханій и испареній воздухъ испортился; въ комнатѣ парно и душно, дышать тяжело. Если оставаться такъ дольше, можно задохнуться. Необходимо открыть окна и двери, впустить въ духоту чистаго воздуха; но для этого прежде всего надо почувствовать, понять, что воздухъ испорченъ. Войдите ночью въ ночлежные дома, въ арестантскія помѣщенія, на постоялые дворы, гдѣ много ночлежниковъ; загляните зимой въ черныя крестьянскія избы, гдѣ вмѣстѣ скучены и люди, и куры, и телята, — свѣжему человѣку не продохнуть, а жильцы даже довольны бываютъ: „теплѣе",— говорятъ.

Такъ и въ жизни. Поколѣнія людей смѣняли другъ друга, что волны на морѣ, подымали съ глубины души всяческую муть и нечистоту и выкидывали все это въ жизнь; нарастили горы зла; надышали зломъ и неправдой такъ, что порой прямо душитъ. Свѣжему человѣку не продохнуть, а большинство людей свыклось съ

духотой, принюхалось къ спертому воздуху, — довольны собою, любуются на свою жизнь.

Первое, что надо сдѣлать, — отрезвиться, образумиться, очувствоваться, приййти въ себя, понять, что нельзя жить въ духотѣ, что человѣку необходимъ чистый воздухъ, а этого воздуху у насъ нѣтъ: мы обѣднѣли имъ, обнищали. Съ этого Спаситель и начинаетъ. Первое слово, которое Онъ сказалъ народу во время проповѣди на горѣ, было слово о духовномъ обнищаніи людей. „Блаженни нищіе духомъ, — говоритъ Іисусъ Христосъ, — ибо ихъ есть царство небесное“ (Мѳ. 5, 3).

Люди ищутъ счастья, хотятъ жить по правдѣ, думаютъ устроить царство Божіе на землѣ. Есть ли у нихъ для этого достаточно „духу“? Хватитъ ли внутренней силы для такой работы? На голомъ камнѣ не растутъ цвѣты; изъ пустой посуды не напьешься, и никакой искусникъ изъ грязи дворца не слѣпитъ. На все нуженъ подходящій, соотвѣтствующій матеріалъ. Достаточно ли у насъ *добра* или *доброй* жизни? крѣпко ли въ насъ „нутро“? годны ли мы на стройку Царства Божія въ людяхъ? Иное дерево рослое и въ нѣсколько обхватовъ гордо шумитъ зелеными вѣтвями, — а подойдешь ближе, оно дуплистое, вся сердцевина выгнила, ни на какую подѣлку не годится. И стоитъ такой лѣсъ: деревьевъ много, а постройка не идетъ впередъ. Надо произвести себѣ надлежащую оцѣнку, провѣрить капиталъ, съ какимъ мы дѣйствуемъ

въ жизни. Хватитъ ли средствъ устроить Царство Божіе въ людяхъ? Такая повѣрка покажетъ, что въ насъ только гордости, самомнѣнія много, а настоящая стоимость не велика,—иную пору прямо ломаный грошъ. На словахъ всѣ мы дубы ломаемъ, а дѣла коснись, — соломины не согнуть. На дѣлѣ выходитъ, что всѣ мы въ добрѣ слабы духомъ, безсильны, словно разбиты параличомъ. Считаемъ себя богатырями, а въ дѣйствительности хуже разслабленнаго, который 38 лѣтъ лежалъ безъ движенія. Мы, бываетъ, всю жизнь пальцемъ не двинемъ для Божія дѣла.

Но болѣзнь, слабость человѣка еще полбѣды: станетъ человѣкъ лѣчиться, поведетъ правильную жизнь, можетъ вернуть здоровье. Вся бѣда, когда человѣкъ считаетъ себя здоровымъ и слышать не хочетъ о лѣченіи, не мѣняетъ образа жизни. Тутъ уже ничѣмъ помочь нельзя. Идетъ человѣкъ болотомъ; что далѣе, то болѣе увязаетъ и думаетъ, что это самый вѣрный путь. Конечно, рано или поздно его съ головой засосетъ тиной. Для него было бы, если не полнымъ избавленіемъ, то началомъ спасенья, если бы онъ на первыхъ порахъ хоть только остановился, понялъ, что онъ вѣдь не знаетъ настоящей дороги,—шелъ доселѣ, какъ слѣпой. Когда больной пойметъ, что онъ боленъ, то, если и не навѣрно, во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ вѣроятно, начнетъ лѣчиться. Поэтому и сказано: „счастливы, блаженны тѣ,

кто понялъ во время, что они нищи духомъ, обнищали добромъ и правдой: они могутъ найти Царство Божіе“.

Тутъ не сказано „бѣдный“, а „нищій“, потому что бѣдный и нищій — большая разница. Бѣднякъ можетъ не имѣть ничего и быть доволенъ своей судьбою. Былъ въ древности бѣдный мудрецъ, который жилъ даже въ бочкѣ. Когда его навѣстилъ царь и спросилъ, чего мудрецъ хочетъ, онъ сказалъ: „Отойди отъ бочки, не загораживай солнца“. Мудрецъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ и ни у кого ничего не просилъ. Иное дѣло нищій. Нищій ходитъ по городамъ и деревнямъ, проситъ подъ окнами, стучится въ дверь, протягиваетъ руку прохожимъ, моля о милостынѣ. Если и „нищіе духомъ“ будутъ такъ же вездѣ искать и у всѣхъ просить, какъ милостыни, указаній добра и правды, они съ пустой душой не останутся, на стройку Царства Божія въ себѣ и въ людяхъ годный матеріалъ найдутъ.

Самое великое горе въ жизни не то, что люди дѣлаютъ зло и что жизнь полна неправды. Страшно тупое равнодушіе людей къ добру и правдѣ, довольство собою, гордость своею жизнью. Люди свыклись съ нравственною духотою и спокойно остаются въ ней. Счастливы поэтому тѣ, кому станетъ въ этой обстановкѣ душно, и кто почувствуютъ, что имъ не хватаетъ воздуха въ груди: они ужъ не останутся въ духотѣ, ихъ потянетъ на Божій просторъ.

Понять, стало-быть, убожество жизни, сознать свою духовную нищету,— великое дѣло. Это начало поворота, первый шагъ къ новой, свѣтлой жизни.

Второй шагъ — прочувствовать, переболѣть, горько оплакать свое духовное убожество, нравственную нищету. Намъ потому такъ *тяжело* и живется большею частью, что очень ужъ мы *легко* относимся къ своей внутренней несостоятельности. Случись намъ потерять состоянiе, службу, здоровье, близкихъ и дорогихъ людей, мы горюемъ, убиваемся и плачемъ. Когда же мы съ годами теряемъ дѣтскую незлобивость и чистоту души, разстраиваемъ совѣсть, лишаемся своихъ лучшихъ чувствъ, порывовъ и стремленiй,—мы относимся къ этимъ потерямъ большею частью съ легкимъ сердцемъ. словно мы прощаемся съ ними не какъ съ чѣмъ-то близкимъ и дорогимъ нашему сердцу, а какъ съ чѣмъ-то чужимъ и постороннимъ.

Въ Москвѣ, въ Третьяковской галлереѣ, есть интересная картина. Представлено громадное поле. На немъ въ густой травѣ безъ конца лежатъ трупы, кощунственно оскверненные грубымъ торжествующимъ врагомъ. Одни тѣла безъ головъ; другiя безъ носа, безъ губъ, безъ ушей, третьи раздѣты донага, четвертыя съ ободранной кожей.

Мнѣ это поле, усѣянное трупами, всегда напоминаетъ жизнь большинства изъ насъ. Что дальше назадъ къ юности смотришь, то больше

Нагорная проповѣдь.

видишь погибшихъ мечтаній, загубленныхъ свѣтлыхъ стремленій. Какъ жизнь изуродовала, осквернила ихъ грубою, жесткою рукой! Когда-то они были живы, сулили свѣтлое и чистое счастье, а теперь погибли. Вспоминаешь ихъ и чувствуешь себя, какъ на кладбищѣ, гдѣ, куда ни оглянись, все видишь кресты и могилы, а подъ ними, подъ каждымъ

„Чистыя думы и свѣтлыя грезы“.

И благо человѣку, если онъ, озираясь на эти дорогія могилы погибшихъ свѣтлыхъ мечтаній и загубленныхъ, заглушенныхъ добрыхъ чувствъ, смотритъ на нихъ съ глазами, затуманенными слезой. Въ немъ, значитъ, не все еще погибло. Горючая слеза жалости къ самому себѣ и горечи за свое убожество духа, смоетъ нанесенную на сердце жизнью грязь, смягчитъ и разогрѣетъ остывшую, было, душу. Человѣку станетъ жаль добраго былого. Его потянетъ къ давно забытой правдѣ, и, можетъ-статься, что онъ отъ своихъ мелкихъ людскихъ дѣлишекъ повернетъ къ Божьему дѣлу и въ немъ найдетъ покой души и высшую отраду. Потому Спаситель и говоритъ; „блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся“.

VI.

БЛАЖЕННЫ КРОТКІЕ.

Если люди сами нищи духомъ и если жизнь ихъ такова, что надъ нею приходится плакать, если они сами несостоятельны передъ судомъ Высшей Правды, не выдерживаютъ требованій ея, то могутъ ли они быть строги и требовательны къ другимъ? Сами нуждаясь въ участіи и состраданіи, мы и къ ближнимъ должны быть снисходительны и кротки. Мы всѣ, какъ на полѣ битвы, изранены, измучены жизнью, всѣ изболѣлись душою; всѣмъ нужно бережное, кроткое, любовное отношеніе другъ къ другу. Всѣмъ намъ, какъ израненному при дорогѣ въ евангельской притчѣ, нуженъ милосердный самарянинъ. Евангеліе и завѣщаетъ такое отношеніе другъ къ другу. „Будьте кротки,— говоритъ: — блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю".

Быть кроткимъ — не значитъ, однако, быть забитымъ, опустить руки и покорно подчиниться злу, отдать себя въ его полную волю. Нѣтъ, кротость есть высшее геройство, сила, способ-

ная не только побѣдить врага, но и нравственно возродить его, измѣнить, сдѣлать другомъ, — сила властная зло превратитъ въ добро.

Въ житіи св. Макарія Египетскаго разсказывается, какъ онъ однажды шелъ къ себѣ въ пустыню съ ученикомъ, молодымъ послушникомъ. Дорога шла въ гору. Юноша-ученикъ опередилъ старца-учителя и вдругъ на поворотѣ встрѣтилъ языческаго жреца.

— Сторонись, слуга дьявола! — крикнулъ на него не въ мѣру горячій юноша.

Жрецъ разсердился и изо всей силы ударилъ оскорбителя палкою. Юноша упалъ безъ чувствъ. За новымъ поворотомъ жрецъ встрѣтилъ самого Макарія. Угодникъ Божій, не ожидая привѣтствія, самъ сказалъ: „Богъ въ помощь, дорогой мой братъ! Дай Богъ тебѣ добраго пути!“ Жрецъ былъ умиленъ и пораженъ такимъ привѣтствіемъ: онъ зналъ, что св. Макарій былъ христіанинъ.

— Я вѣдь — язычникъ! — сказалъ онъ угоднику. — Какъ ты называешь меня братомъ? Кромѣ того, я сейчасъ ударомъ палки ошеломилъ твоего ученика. Пожелаешь ли ты теперь мнѣ добраго пути?

— Теперь тѣмъ болѣе желаю тебѣ добраго пути, что ты идешь дурнымъ путемъ, путемъ злобы и мести. А что называю тебя братомъ, такъ у насъ у всѣхъ одинъ Отецъ — Господь, а мы, всѣ Его дѣти, между собою — братья.

Іисусъ Христосъ посылаетъ учениковъ на проповѣдь.

Рѣчь старца плѣнила жреца. Онъ долго бесѣдовалъ со св. Макаріемъ, а потомъ крестился. Въ мірѣ люди дѣйствуютъ грубо, по-звѣриному. Они иной, высшей силы, силы добра и любви, силы кроткой ласки и бережной заботы о другомъ не знаютъ. Имъ эту силу надо показать, и Спаситель съ такою задачею въ міръ посылаетъ своихъ учениковъ.

— Я посылаю васъ, какъ овецъ среди волковъ, — говоритъ Онъ. — Будьте мудры какъ зміи (вдумчиво вникайте во всѣ стороны и явленія жизни, не опускайте безъ вниманія ни одной мелочи), но будьте просты, какъ голуби" (Мѳ. X, гл., 16). Русское слово „просты" по-славянски переведено „цѣли". Это еще лучше, еще яснѣе, вразумительнѣе. По-гречески тутъ стоитъ „акереосъ"—несмѣшанный, безъ примѣси, цѣлый однородный, простой, односоставный; значитъ, на всѣ явленія жизни со всѣми ея проявленіями злобы, неправды и беззаконія ученикъ Христовъ всегда, вездѣ и во всемъ долженъ быть одинаково кротокъ, обязанъ дѣйствовать всюду съ любовною кротостью. Спаситель всѣмъ ученикамъ и навсегда точно и опредѣленно говоритъ: „научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ" (Мѳ. XI, гл., 29).

Бояться за то, что въ такомъ случаѣ при „цѣлой" безусловной евангельской кротости, зло сможетъ осилить, побѣдить и уничтожить правду, любовь и добро, — не приходится. Въ

душѣ человѣка есть зародыши добрыхъ и злыхъ чувствъ. Жизнь людская сложилась такъ, что злу полный просторъ въ сердцѣ, а добро встрѣчаетъ преграды для своего роста; зерна добра глохнутъ и не расцвѣтаютъ. Надо будить это заглохшее добро въ людяхъ. Надо дѣйствовать такъ, чтобы все, что добраго и святого въ людяхъ осталось незатронутымъ, заглохшимъ, оживить, пригрѣть это любовью, спрыснуть живою водою правды Божіей и окружить самымъ нѣжнымъ и попечительнымъ уходомъ.

Въ жилыхъ помѣщеніяхъ большія комнаты уставляютъ живыми цвѣтами и растеніями. Это не для украшенія только. Живыя растенія приносятъ существенную пользу: они очищаютъ воздухъ. Люди, когда дышатъ, вдыхаютъ въ себя и поглощаютъ кислородъ, а выдыхаютъ угольную кислоту. Угольная кислота портитъ, отравляетъ воздухъ. Въ ней можно задохнуться. Вотъ тутъ-то и полезны живыя растенія. Они поглощаютъ въ себя угольную кислоту и выдѣляютъ изъ себя чистый кислородъ. Въ жизни необходимъ такой же процессъ, подобная же работа. Одни люди выдыхаютъ изъ себя зло и неправду, отравляютъ жизнь „угольной кислотой“. Другіе должны очищать воздухъ, какъ живыя растенія, выдѣлять изъ себя „чистый кислородъ“; въ отвѣтъ на звѣриный вой и волчье ляскание зубами нести кроткую пѣснь мира, любви и согласія, эта пѣснь за-

глушитъ въ людяхъ злобу и непріязнь, пробудитъ въ нихъ самыя свѣтлыя чувства и всѣхъ научитъ могучему евангельскому призыву къ Царству Божію. Спаситель потому и говоритъ: „Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю“.

VII.

БЛАЖЕННЫ АЛЧУЩІЕ И ЖАЖДУЩІЕ ПРАВДЫ.

„Будьте кротки“, училъ Іисусъ Христосъ,— но кротки только съ людьми; со зломъ же въ людяхъ уживаться нельзя. Вездѣ и всегда, въ себѣ и въ другихъ надо искать правды, и прежде всего — правды. Безъ правды жизнь человѣческая — не жизнь, а звѣриное житье. Безъ правды человѣкъ думаетъ только о сытости и теплѣ, теряетъ достоинство человѣка, становится животнымъ, грубымъ скотомъ. Счастливъ поэтому тотъ, кто не потерялъ вкуса къ правдѣ, кого тянетъ къ ней, какъ былинку къ солнцу. „Блаженны алчущіе и жаждущіе правды,— говоритъ Христосъ-Спаситель,— ибо они насытятся“. Блаженны, кто ищетъ истины, какъ голодный ищетъ хлѣба или жаждущій — воды.

Когда мы ищемъ какую-нибудь вещь, мы ее поищемъ, поищемъ и если не найдемъ, забудемъ. Если же голодный ищетъ ѣды, онъ не забудетъ свой голодъ, пока не насытится, и для него въ ту пору кусокъ хлѣба или горсть ягодъ

дороже груды золота и всякихъ почестей. Извѣстенъ разсказъ, какъ одинъ арабъ въ пустынѣ потерялъ коня, долженъ былъ итти пѣшкомъ, а запаса пищи не было. Стало его морить голодомъ; отощалъ, еле бредетъ. Вдругъ видитъ, вдали, на верхушкѣ песчанаго холма, мѣшокъ чернѣетъ. Бросился бѣдный арабъ, развязалъ мѣшокъ, взглянулъ и съ досадой кинулъ на землю: въ мѣшкѣ было золото, а онъ думалъ, что тамъ финики, сушеные плоды. Предложи голодному и жаждущему на выборъ ѣду и воду или помѣстья, дворцы, чины, власть и отличья,— онъ отъ всего откажется, лишь бы стать сытымъ и напиться. Счастливы, блаженны тѣ, кто такъ вотъ, выше всего въ жизни, выше богатства, почестей и власти, ставятъ правду.

Мы много говоримъ о правдѣ, возмущаемся, что нѣтъ ея; но много ли потрачено силъ и старанія, чтобы она была? Милліоны людей каждодневно, съ утра до поздней ночи, не покладая рукъ, работаютъ, чтобы добыть себѣ ѣду: одни гнутъ спину за сохою, другіе задыхаются у станковъ, третьи закидываютъ сѣти въ море, четвертые бьютъ молотомъ у раскаленнаго горна. Добычи ради люди ныряютъ за жемчугомъ на дно океана, взбираются на неприступныя скалы за дорогимъ пухомъ боязливой птицы гаги, какъ кроты роются глубоко въ подземельяхъ, добывая золото, серебро и каменный уголь. Тѣ же милліоны людей тратятъ

ли хоть въ милліонъ разъ меньше труда на то, чтобы добыть золото правды Божіей и жемчугъ Христовой любви? Тысячи ученыхъ съ большими лишеніями проходятъ безводныя пустыни, переплываютъ бурныя моря, перебираются чрезъ страшныя крутизны горныхъ хребтовъ, чтобы узнать, какъ тамъ живутъ невѣдомые народы. Много ли у насъ великихъ умовъ, которые, хотя бы сидя на мѣстѣ, углублялись въ думы, какъ *намъ* свою жизнь лучше устроить? Мы изучили составъ солнца, узнали свойства самыхъ отдаленныхъ звѣздъ и не можемъ часто сказать, каковъ основной составъ истины, каковы свойства ея.

Если мы всѣ свои заботы, усердіе и время будемъ отдавать цѣликомъ скоту въ хлѣвѣ, капустѣ — въ огородѣ, хлѣбу — въ полѣ и мережамъ — на рѣкѣ, понятно, дѣти у насъ въ домѣ будутъ заброшены, и намъ не придется ими хвалиться. Такъ заброшена у насъ и правда въ жизни; намъ не приходится ею хвалиться. Оттого и жизнь у насъ тяжелая, все какъ-то не ладится.

Присмотритесь къ жизни самыхъ образованныхъ, просвѣщенныхъ народовъ. Какъ высоко стоитъ наука! Какіе мудрые законы! Сколько богатства стекается въ ихъ руки! А въ жизни полное неустройство. Одинъ народъ тѣснитъ и грабитъ сосѣдей, ради наживы золота и алмазовъ преступно льетъ братскую кровь. Другой вооружился съ головы до ногъ, какъ ежъ,

стальною щетиною и, забывъ Христову заповѣдь любви и прощенія, шлетъ къ язычникамъ своихъ воиновъ жечь все, колоть и рѣзать безъ пощады. Въ третьей странѣ различныя народности между собою грызутся словно звѣри; въ четвертой — враждебныя партіи пускаются на всякія гнусности и преступленія, лишь бы одолѣть противниковъ. Вездѣ — ссоры, ненависть и насиліе. Причина одна: нѣтъ правды въ людяхъ. Другое все есть налицо, но нѣтъ правды въ человѣкѣ и нѣтъ мира, согласія въ жизни. У насъ, конечно, не лучше.

Въ Евангеліи Луки разсказывается, какъ однажды пришли нѣкоторые къ Іисусу и разсказали Ему о галилеянахъ, которыхъ кровь Пилатъ смѣшалъ съ жертвами ихъ. Іисусъ сказалъ имъ на это: „думаете ли вы, что эти галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ: *но если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете.* Или думаете ли, что тѣ восемнадцать человѣкъ, на которыхъ упала башня Силоамская и побила ихъ, виновнѣе были всѣхъ живущихъ въ Іерусалимѣ? Нѣтъ, говорю вамъ: *но если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете*“.

Эти слова вполнѣ примѣнимы и къ намъ. У другихъ народовъ плохо, но они не грѣшнѣе насъ. Если не покаемся, — всѣ такъ же погибнемъ.

Годъ отъ году у насъ жизнь становится тяжелѣе. Народъ бѣднѣетъ. Земля не родитъ.

Насыщеніе пятью хлѣбами пяти тысячъ человѣкъ.

Заработковъ меньше. Неустройства растутъ. Всѣ эти прорухи, даже обѣднѣніе земли, все оттого, что не ищемъ прежде всего Царствія Божія и правды Его. Мы, наоборотъ, прежде всего ищемъ того, что должно потомъ, впослѣдствіи приложиться. Надо посадить яблоню и потомъ ждать яблоковъ; мы жадно и торопливо ищемъ и рвемъ яблоки и думаемъ, что новая яблоня выраститъ сама.

Посудите, какъ у насъ обращаются съ землею, съ дарами матери-кормилицы. Ихъ всячески грабятъ и расхищаютъ. Черноземныя поля пашутъ и пашутъ безъ передышки, пока ихъ не выпашутъ и земля не перестанетъ родить. Тогда ее бросаютъ; она дѣлается негоднымъ пустыремъ, а люди принимаются за новыя мѣста. Тамъ повторяется то же.

Лѣса вырубаются безпощадно. Гдѣ еще недавно шумѣли вѣковые боры, теперь часто негдѣ лучины нащепать. Отъ вырубленныхъ лѣсовъ мелѣютъ рѣки, заносятся пескомъ цѣлые округи. Рыба вылавливается хищнически, словно не рыболовы пріѣхали на добычу, а разбойники на грабежъ. Выволакиваютъ на берегъ милліоны пудовъ; заготовить впрокъ — нѣтъ силы, такъ рыбу бросаютъ тутъ же на берегу, и горы ея гніютъ, являясь печальнымъ памятникомъ хищническаго разбоя человѣка въ природѣ. Отчего все это? Оттого, что нѣтъ правды въ людяхъ. Если люди живутъ не совѣстью, а несытою утробою, если человѣкъ

для человѣка только волкъ, то они, конечно, и къ дарамъ матери-природы будутъ относиться только по-волчьи: урвалъ, гдѣ можно, кусокъ пожирнѣе — и бѣги на новую добычу. Люди безъ правды Божіей въ сердцѣ смотрятъ на жизнь, какъ на общій разбой: кто кого можетъ, тотъ того и гложетъ. Они не понимаютъ, что весь міръ есть одинъ великій необъятный храмъ Божій, что вся жизнь человѣческая должна быть однимъ сплошнымъ богослуженіемъ, постояннымъ служеніемъ Богу духомъ и истиной, что наше сердце — святое святыхъ, престолъ Божій, гдѣ, какъ въ лампадѣ, должна день и ночь, не потухая, ярко горѣть и свѣтиться правда Божія. Блаженны, кто ищутъ эту правду, какъ голодный ищетъ хлѣба: они найдутъ ее, насытятся ею.

VIII.

БЛАЖЕННЫ МИЛОСТИВЫЕ.

Если самимъ намъ прежде всего и болѣе всего нужна въ жизни правда, то и другимъ не можемъ мы оказать большей милости, какъ указавъ имъ путь къ истинѣ. Эта заповѣдь о милости, объ участливомъ сердечномъ отношеніи къ темному меньшому брату особенно должна быть подчеркнута у насъ на Руси. Вездѣ еще много темноты; вездѣ много надо свѣта Божіей правды, но у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ. Тяжелая судьба выпала на долю русскаго народа. Поставленный Провидѣніемъ на рубежѣ двухъ міровъ — востока и запада, русскій народъ былъ оплотомъ, о который разбивались волны азіатскихъ народовъ: турки, берендѣи, печенѣги, половцы и татары. Въ то время, какъ наши западные сосѣди: нѣмцы, французы, австрійцы и другіе, за нашей спиной спокойно строили школы, музеи, университеты, учились и развивались, мы въ ратномъ полѣ, съ мечомъ въ рукѣ, грудью отражали полчища варваровъ. Передовые европейскіе народы считаютъ насъ отсталыми, въ насмѣшку называютъ русскій народъ

медвѣдемъ. Мы безъ стыда можемъ сказать: „да, мы отстали; вы просвѣщеннѣе насъ; но мы по-своему не меньше сослужили службу культурѣ, мы заслонили васъ собой“. Интересно было бы предположить, что сталось бы теперь съ Европой, если бы полчища татаръ прошлись не по южно-русскимъ степямъ, а по равнинамъ Эльбы, Рейна и Сены? Пришлось ли бы имъ хвалиться передъ Русью? Россія прошла суровую школу; но „какъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ, такъ, претерпѣвъ судебъ удары, окрѣпла Русь“. Внѣшняя ея стройка кончилась, Россія сложилась извнѣ въ могучее государство. Теперь дѣло за внутренней работой. Глубоко въ тайникахъ народной души сокрыты дивныя сокровища ума и сердца, но пока еще они спятъ долгимъ, непробуднымъ сномъ, покрыты толстой корой умственной и нравственной темноты и, чтобы это золото народной души и перлы ума извлечь на Божій свѣтъ, требуется долгій, тяжелый и упорный трудъ. Наша народная душа,— дивный безцѣнный алмазъ, данный Богомъ, но этотъ алмазъ заброшенъ, лежитъ въ пыли; его надо очистить, отшлифовать и тогда онъ засверкаетъ яркими и переливными огнями. Пока же народъ, деревня, меньшій нашъ братъ напоминаютъ нищаго Лазаря у воротъ богача евангельской притчи. Мы, старшіе братья, люди науки, пера, образованія, въ сравненіи съ народомъ, пируемъ блистательно, одѣваемся въ порфиру знанія, въ виссонъ искусства. Къ на-

шимъ услугамъ въ городахъ электричество, телефоны, телеграфы, театры, музеи и библіотеки, а тамъ, въ глубинѣ Россіи, тамъ... вѣковая тьма. Тамъ у порога нашей культуры народъ, какъ нищій Лазарь, лежитъ часто безъ грамоты и хлѣба, на рубищѣ гнойномъ. Усталъ онъ, истомился, изболѣлся душой. Много глотается имъ затаенныхъ слезъ, много заглушается стоновъ. Вся жизнь его опредѣляется двумя-тремя словами: „мало слезъ, а горя рѣченька, горя рѣченька бездонная". Недаромъ молодуха въ деревнѣ послѣ однихъ, двухъ родовъ начинаетъ выкликать; недаромъ и пѣсня наша отличается такою щемящею, надрывающею сердце тоскою. „Отъ мужика до перваго поэта,— говоритъ Пушкинъ,— мы всѣ поемъ, и наша пѣснь — унылый, грустный вой". Недаромъ и веселье народное — не тихая ровная радость, а какой-то дикій безшабашный разгулъ, словно рѣка вырвалась изъ береговъ и разлилась въ половодье. Недаромъ, наконецъ, при случаѣ и пьетъ народъ, пьетъ безъ-удержа, нелѣпо: жжетъ тамъ у него, горитъ, тоску-злодѣйку хочется залить. Некрасовскій Павлуша Веретенниковъ на ярмаркѣ записываетъ впечатлѣнія: „Умны крестьяне русскіе; одно нехорошо, что пьютъ до одурѣнія: во рвы, въ канавы валятся, обидно поглядѣть!" Мужикъ тамъ же возражаетъ ему: „шальныхъ вѣстей безсовѣстныхъ про насъ не разноси. Нѣтъ мѣры хмелю русскому. А горе наше мѣрили?..

Добродѣтельный самарянинъ.

Вино валитъ крестьянина! А горе не валитъ? Пьемъ много мы по времени, а больше мы работаемъ; насъ пьяныхъ много видится, а больше трезвыхъ насъ. Не пьютъ, а также маются". Освободить народъ отъ этой маеты, указать ему путь къ свѣту, вывести на широкій просторъ Божіей правды — великое, святое дѣло и священный долгъ всѣхъ старшихъ братьевъ. Народъ обѣднѣлъ хозяйствомъ, теменъ умомъ и грубъ духовно. Онъ весь,— какъ рана болящая, и ждетъ къ себѣ,— не дождется цѣлителя.

У Алексѣя Толстого есть стихотвореніе: „Пантелей-Цѣлитель". „Пантелей-государь ходитъ по полю, и цвѣтовъ и травы ему по поясъ; и всѣ травы передъ нимъ разступаются, и цвѣты всѣ ему поклоняются, и онъ знаетъ ихъ силы сокрытыя, всѣ благія и всѣ ядовитыя. По листочку съ благихъ собираетъ онъ, и мѣшокъ ими свой наполняетъ онъ и на хворую братію бѣдную изъ нихъ зеліе варитъ цѣлебное. Государь Пантелей! Ты и насъ пожалѣй! Свой чудесный елей въ наши раны излей,— въ наши многія раны сердечныя! Есть межъ нами душою увѣчные. Есть и разумомъ тяжко болящіе, есть глухіе, нѣмые, незрящіе, опоенные злыми отравами, — помоги имъ своими ты травами!"

Такимъ Пантелеемъ-цѣлителемъ для народа, для меньшого темнаго брата можетъ быть всякій интеллигентный, мало-мальски просвѣщенный работникъ: вѣрный своему призванію

пастырь духовный, усердный сѣятель чистаго зерна Христова, народные учитель и учительница, земскій врачъ и земскій докторъ, фельдшеръ съ фельдшерицей, честный и грамотный волостной писарь, разумный волостной старшина и всякій, кто среди темной толпы стоитъ съ большимъ, чѣмъ она, запасомъ умственнаго и вообще духовнаго свѣта. Передъ вами, милостивцы-Пантелеи, широкое поле и травъ цѣлебныхъ и поле страждущихъ, всякаго рода болящихъ. Запасайтесь сами свѣтомъ, несите его въ темную среду. Добытое ранѣе знаніе, новыя книги, горячія рѣчи, и призывъ къ дружной работѣ пусть будутъ для васъ цвѣтами и травами. По листочку съ благихъ соберите вы, и въ запасъ съ собою берите вы и на хворую братію бѣдную изъ нихъ зелье сготовьте цѣлебное, пролейте на болящую душу народную смягчающій елей милости. Тутъ главное не въ томъ, чтобы вы обучили дѣтей грамотѣ, исправно совершали службу и внимательно лѣчили. Тутъ главное подойти къ народу съ ласкою, любовно облегчить его горе, человѣчески отнестись къ его заботамъ и нуждамъ. Пусть учительница или фельдшерица будетъ другомъ, къ которому всякая баба смѣло пойдетъ на груди выплакать свое безысходное горе. Пусть учитель школьниковъ учитъ не только правильно ставить букву „ѣ“, а и правильно самимъ стоять въ жизни, мягко и любовно относиться ко всему живому въ мірѣ; пусть онъ

не упуститъ случая, когда надо, провести ночь у постели ученика, который мечется въ жару и бреду. Можетъ-быть, на другой день онъ отъ головной боли послѣ безсонной ночи не твердо проведетъ урокъ, не ровно будетъ писать цифры и буквы на классной доскѣ, но зато онъ неизгладимо на сердцахъ всей деревни напишетъ урокъ милости христіанской любви. Пусть земскій начальникъ, старшина и волостной писарь твердо помнятъ великія слова Христа-Спасителя ученикамъ: „вы знаете, что князья народовъ господствуютъ надъ ними и вельможи властвуютъ ими, *но между вами да не будетъ такъ.* А кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слугою, и кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ, такъ какъ Сынъ Человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ“ (Мѳ. XX, 25 — 28).

Среди народа, по деревнямъ и селамъ, цѣлые вѣка работали *темныя силы*; оттого и темно тамъ. Пойдутъ въ народѣ добрыя, свѣтлыя силы, — станетъ свѣтло. Сколько и себѣ эти работники, Пантелеи-цѣлители, доставятъ свѣту! За ихъ любовь и милость къ меньшимъ темнымъ братьямъ и имъ жизнь милостиво, свѣтло улыбнется, дастъ много отрады за тяжелый невидный трудъ при сѣрой неприхотливой обстановкѣ. Блаженны милостивые,— они помилованы будутъ.

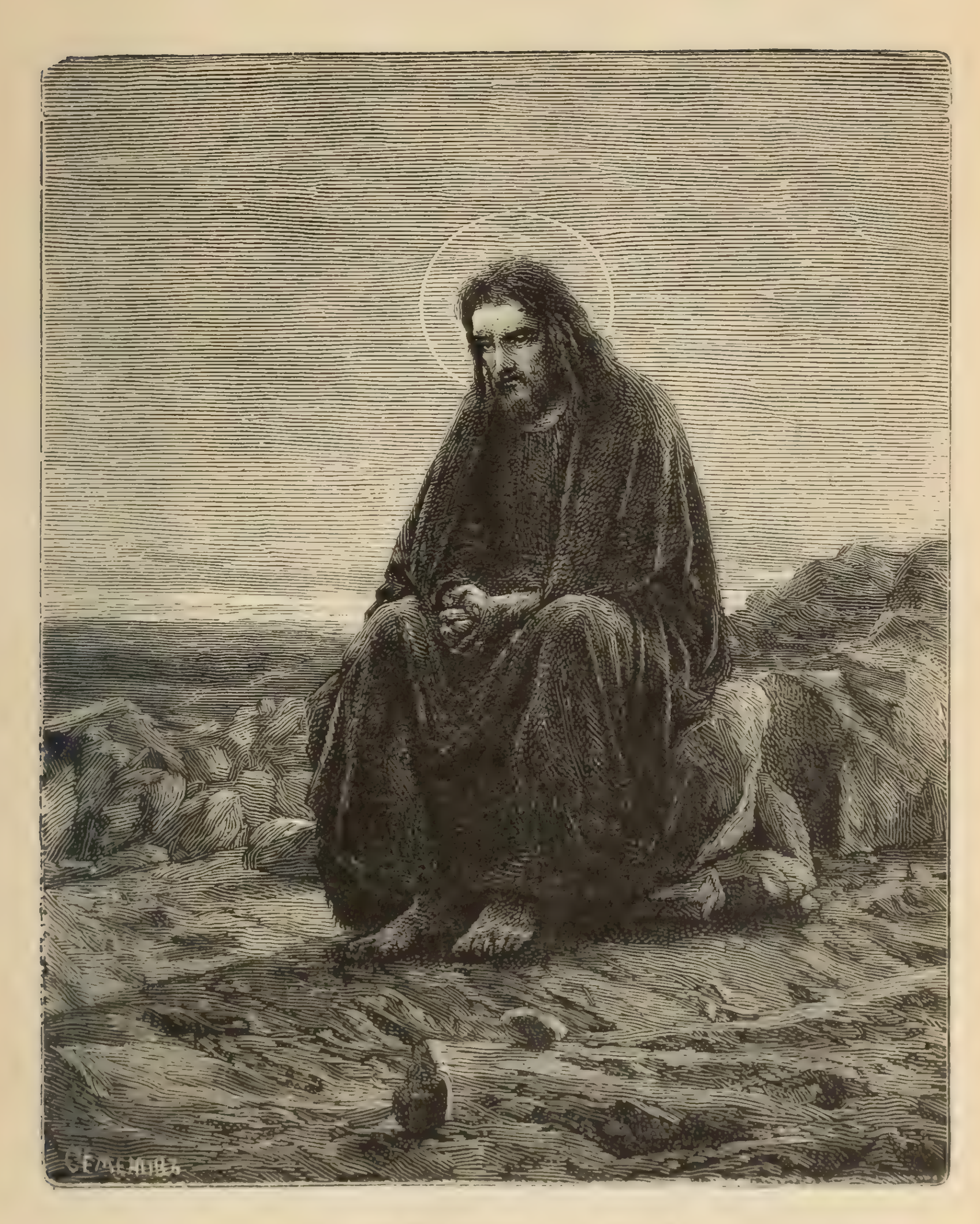
IX.

БЛАЖЕННЫ ЧИСТЫЕ СЕРДЦЕМЪ.

Съ кѣмъ или съ чѣмъ поведешься, того и наберешься, — говоритъ народная мудрость. Побудете нѣсколько часовъ среди ароматовъ, невольно и сами пропитаетесь ароматнымъ духомъ; просидите долго въ аптекѣ, въ дегтярномъ или въ скипидарномъ складѣ, пропахнете лѣкарствомъ, дегтемъ или скипидаромъ; станете рыться въ выгребныхъ ямахъ, продушитесь гнилью и навозомъ. То же и въ жизни души. Какому дѣлу служите, чѣмъ занимаетесь, съ какими людьми встрѣчаетесь и водите дружбу,— въ зависимости отъ того получите тотъ или другой характеръ. Сердце человѣка отъ рожденія, что вспаханное, но не засѣянное поле. На немъ впослѣдствіи вырастаетъ то, что человѣкъ самъ насѣетъ и какія зерна къ нему занесетъ со стороны. У станка, на которомъ ткется жизнь человѣка, трудятся три работника: Богъ, человѣкъ и окружающіе его люди. Богъ даетъ основу, самую ткань; а человѣкъ, подъ вліяніемъ окружающихъ людей и обстановки, наноситъ, вышиваетъ узоры. Общая картина

жизни вырабатывается постепенно: отъ начала жизни и до ея конца. Всякая, даже мимолетная встрѣча, случайный разговоръ съ кѣмъ бы то ни было, прочитанная книга, услышанное мимоходомъ или нами невзначай оброненное слово,— все оставляетъ въ душѣ свой слѣдъ, наноситъ на общую картину свою черточку, тотъ или другой штрихъ. И смотря по тому, какого цвѣта черточекъ будетъ больше, такого цвѣта будетъ казаться вся картина; будетъ больше черточекъ краснаго цвѣта,— картина станетъ выглядывать красноватою; будетъ больше бѣлыхъ черточекъ,— картина будетъ свѣтлою; окажется больше черныхъ черточекъ,—картина явится темною, мрачною.

Займется человѣкъ землею, уйдетъ всѣмъ сердцемъ въ хозяйство,— изъ него выйдетъ опытный земледѣлецъ, домовитый хозяинъ. Увлечется человѣкъ механикой, изобрѣтеніемъ машинъ,— онъ настроитъ разныхъ диковинокъ, полезныхъ изобрѣтеній, удивительныхъ снарядовъ. Примется человѣкъ за дѣла, промышленность или торговлю, за научныя занятія или искусство,— изъ него можетъ выйти ловкій дѣлецъ, большой ученый, рѣдкій художникъ. Но какіе бы успѣхи каждый въ своемъ дѣлѣ ни оказывалъ, напередъ можно сказать, что *полнаго* или вообще *возможно большаго* разумѣнія истины у нихъ трудно будетъ найти: у нихъ душа заполнена иными, своими думами и заботами. Если солнце свѣтитъ не въ чистыя стекла, а



Іисусъ Христосъ въ пустынѣ.

въ цвѣтныя, расписныя узорами, — какъ бы красивы такія окна ни были, внутри полнаго свѣта не будетъ. Также и внутри человѣка. Большая разница: думаетъ ли человѣкъ, чтобы какъ можно больше свѣту къ нему въ душу проникло, или о красотѣ оконъ и объ узорахъ на стеклахъ прежде всего заботится.

Библія, книга слова Божія о жизни, дана была евреямъ,— маленькому, бѣдному, ничѣмъ другимъ неизвѣстному народу. Почему это такъ? Почему возможно полное откровеніе правды Божіей не было дано другимъ народамъ, которые прославились своими успѣхами въ наукахъ, искусствѣ, въ мудромъ законодательствѣ? Отвѣтить не трудно. Лучшіе люди всѣхъ другихъ народовъ старались прежде всего не о томъ, чтобы въ ихъ жизни *внутри* было свѣтло, а о томъ, чтобы *снаружи* было красиво. Силы души всѣхъ лучшихъ людей древности, кромѣ евреевъ, были направлены *главнымъ образомъ* на внѣшнее. Они изучали міръ — и создали науку; воспроизводили красоту внѣшняго міра — и создали искусство; упорядочивали *внѣшнюю* жизнь людей — и создали законодательство. Для уразумѣнія *внутренней* правды жизни, правды добра и любви, правды Божіей у нихъ не оставалось ни времени ни способностей. Евреи, не всѣ, конечно, а опять-таки только лучшіе люди народа, цѣликомъ ушли въ изученіе не *внѣшнихъ* знанія и красоты міра, а въ познаніе внутренней Божіей правды. Они говорили: „какъ лань

желаетъ къ потоку водъ, какъ жаждущій олень въ знойную пору рвется къ ручью, такъ душа моя къ Тебѣ, Боже!“ У нихъ душа ничѣмъ другимъ не была заполнена, сердце было свободное, и свѣтъ Божіей правды къ нимъ проникалъ чрезъ чистыя окна. Поэтому Спаситель говоритъ: „Блаженны тѣ, кто, какъ голодный хлѣба, ищутъ въ жизни прежде всего правды; кто и другимъ творитъ высшую милость, несетъ эту правду! Свѣтлое дѣло они дѣлаютъ, оттого и у нихъ самихъ въ душѣ будетъ свѣтлѣе и свѣтлѣй. Сквозь чистыя окна сердца они полностью увидятъ возможную для нихъ правду Божію, познаютъ Бога, который есть Сама Любовь, Сама Святость, Сама Истина. Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ“.

У насъ въ жизни правды Божіей мало водится, и причина тому не та, чтобы мы не хотѣли совсѣмъ ее видѣть. Нѣтъ,— иногда мы очень ее ищемъ. Мы, просто, не можемъ ее видѣть. Когда у человѣка отъ болѣзни обложило густой пленкой языкъ, онъ не можетъ различать вкуса пищи и питья; съ заложившимся носомъ невозможно точно опредѣлить запахъ. Такъ и съ нечистымъ сердцемъ трудно опредѣлить правду. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, далеко отъ насъ, за дальнимъ океаномъ, на уединенномъ островѣ умеръ въ тяжелыхъ мукахъ среди прокаженныхъ — самъ прокаженный, священникъ-миссіонеръ о. Даміанъ Вестеръ. Онъ здоровымъ и цвѣтущимъ человѣкомъ доб-

ровольно пошелъ туда и самоотверженно отдалъ свою жизнь несчастнымъ больнымъ, чужимъ ему по крови, но близкимъ и дорогимъ во Христѣ. О подвигѣ о. Даміана съ великою любовью и похвалою говорилъ въ Лондонѣ нѣкій пасторъ Чепменъ. О. Даміамъ былъ католикъ по вѣрѣ, а Чепменъ — протестантъ. По этой причинѣ нѣкто Маклюръ, секретарь общества лондонскихъ протестантовъ, отъ лица всего общества сдѣлалъ строгое замѣчаніе Чепмену, зачѣмъ онъ хорошо говорилъ о человѣкѣ иной вѣры. Протестантъ Чепменъ долженъ будить ненависть даже и къ Даміану, если онъ католикъ. Надо рыть пропасть, а не засыпать, — такъ писалъ Маклюръ. Маклюръ, конечно, не лицемѣритъ. Онъ вѣритъ, что его слова истинны, что онъ вѣрно понимаетъ правду Божію. Но вѣдь несомнѣнно, что Маклюръ, если и смотритъ на правду Божію, то не черезъ чистое стекло, а черезъ бычачій пузырь. И какъ часто всѣ мы, подобно Маклюру, смотритъ на правду Божію черезъ тусклыя окна съ грязными стеклами. Если хотимъ видѣть чистую правду, надо вычистить окна въ нашемъ сердцѣ. Только чистые сердцемъ Бога узрятъ.

Въ большихъ городахъ, гдѣ люди живутъ скученно и тѣсно, рѣдко бываетъ видно чистое небо. Густые клубы пыли и дыма, людскихъ выдыханій и городской гнили висятъ сизымъ туманомъ надъ улицами и площадями. Народъ тамъ живетъ блѣдный, хилый, больной. Чтобы

поправить здоровье жителей такихъ городовъ, доктора посылаютъ ихъ на чистый воздухъ, на берегъ моря, на горныя вершины, на просторъ полей. Точно то же и въ жизни нашей. Если бы все зло и неправда людскія туманомъ поднялись надъ міромъ, какою бы черною зловѣщею тучею окуталось все небо, какъ вдругъ скрылось бы изъ виду солнце правды! Надо хоть на время отойти отъ скопища людей, побыть наединѣ съ Богомъ, подышать инымъ, чѣмъ большинство людей, воздухомъ.

Мы плохо знаемъ себя, рѣдко заглядываемъ себѣ вглубь сердца, мало слѣдимъ, чисты ли окна души. Говорятъ: „чужая душа — потемки“; подумать, такъ и собственное сердце для многихъ — темный лѣсъ. Мы въ жизни крутимся и вертимся, какъ щепка въ омутѣ. Не мудрено, что у насъ смутно въ душе. Надо хоть на время остановиться, подумать, разобраться у себя внутри. Вода, какъ бы она мутна и грязна ни была, если ей дать отстояться, станетъ прозрачной: вся грязь и муть осядутъ на дно, и въ чистой влагѣ могутъ отразиться и чистое небо и ясное солнце. Еще лучше, если эту воду послѣ отстоя профильтровать. При большихъ рѣкахъ много фабрикъ, заводовъ, селеній и городовъ. Всѣ они грязнятъ воду отбросами, и рѣка, что далѣе, то становится мутнѣе; вода ея опасна для питья. Чтобы ее очистить, ее фильтруютъ, пропускаютъ сквозь толстый очистительный слой угля и песку.

Жизнь людская та же рѣка, и люди, что далѣе, то болѣе ее сквернятъ. Хотите видѣть струи жизни чистыми, надо фильтровать. Свои мысли и чувства пропустите сквозь Евангеліе, научитесь дѣла людскія цѣнить, какъ ихъ цѣнилъ бы Іисусъ Христосъ,—и сами вы и ваша жизнь станутъ тогда много чище.

Грязный можетъ и чистаго запачкать, а чтобы смыть грязь съ другихъ, надо самому имѣть чистыя руки. Поэтому, если вы ждете свѣтлыхъ дней для родины, мечтаете о той порѣ, когда правда Божія засіяетъ надъ землею, дѣлайтесь чище сами и очищайте другихъ. Спаситель говоритъ: „Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ“.

X.

БЛАЖЕННЫ МИРОТВОРЦЫ.

Однажды какой-то юноша подошелъ къ Іисусу и просилъ: „Учитель, скажи моему брату, чтобы онъ далъ мнѣ надлежащую часть отцовскаго имѣнія“. Іисусъ отвѣчалъ: „Кто Меня поставилъ судьею надъ вами?“

Если бы стать судьею братьевъ, вмѣшаться и прекратить *данный споръ, одиночную тяжбу* о наслѣдствѣ, то въ лучшемъ случаѣ можно было бы добиться того, что старшій братъ вернулъ бы младшему взятое отъ него лишнее, а младшій, получивъ бы свое, успокоился. Это былъ бы міръ внѣшній, внутри же братья остались бы такими, какъ были раньше. Старшій братъ попрежнему при случаѣ не гнушался бы лишнимъ чужимъ; младшій не переставалъ бы гнѣваться на своихъ обидчиковъ, не получилъ бы способности забыть обиду, примириться съ потерей. Отъ зла были бы обрублены только наружные отростки, а корни остались бы цѣлы и давали новые и новые побѣги. Бываетъ, что пожаръ зальютъ сверху, но внутри, подъ золою и пепломъ, таится пламя, и при случаѣ оно мо-

жетъ прорваться съ новою силою. Случается, пуля попадетъ глубоко въ тѣло и застрянетъ тамъ. Ее заплыветъ жиръ, рану затянетъ и, можетъ-быть, изгладится шрамъ, всякій наружный слѣдъ, но боль внутри все же время отъ времени будетъ давать себя знать. Такъ и всякія разстройства, ссоры и вражда между людьми. Внѣшне ихъ прекратить мало. Внѣшній миръ, это — даже не миръ; это — перемиріе, заштукатуренная трещина. Іисусу Христу нуженъ былъ внутренній миръ братьевъ. Ему надо было не то, чтобы они въ *данномъ случаѣ* кончили дѣло миромъ, а то, чтобы всегда и вездѣ между ними былъ миръ и миръ не внѣшній, только по видимости, съ пламенемъ подъ пепломъ, а миръ внутренній, полный, такъ чтобы и корней стараго зла не осталось. Такой миръ и пришелъ Сынъ Божій принести на землю, и много этого мира надо людямъ. Люди враждуютъ другъ съ другомъ, народъ — съ народомъ, религія—съ религіей; наконецъ, враждуемъ мы часто сами съ собою, не бываетъ у насъ мира съ собственною совѣстью. Всякій, кто въ этотъ огонь общей вражды вольетъ хоть каплю остужающей воды, кто въ раздѣляющій людей ровъ непріязни броситъ хоть горсть земли для засыпки, окажетъ людямъ большое благодѣяніе. Онъ дѣлаетъ то же дѣло, какое дѣлалъ Самъ Іисусъ, Сынъ Божій: миръ творилъ на землѣ, почему и сказано: „блаженны *миротворцы*, ибо они сынами Божіими будутъ наречены“.

Былъ въ древней Греціи мудрецъ, который не имѣлъ своего пристанища, а ходилъ по чужимъ домамъ, чаще всего туда, гдѣ, слышно, были нелады. Придетъ, гдѣ братья поссорились, друзья разошлись, мужъ съ женой враждуютъ; выслушаетъ всѣхъ въ одиночку и спокойно станетъ мирить каждаго отдѣльно.

— Надо мириться!—скажетъ.—Оцарапаешься самъ или другой кто сдѣлаетъ царапину, не оставляешь вѣдь язву больше разболѣться, налѣпляешь пластырь; оборвешь дорогую одежду, ее не бросаешь, а стараешься зашить дыру, заштопать. Надо штопать, лѣчить, зашивать и прорванную дружбу, и надо лѣчить скорѣе, чтобы язва не загнила. Какъ мухи на царапину насядутъ и нанесутъ грязи, такъ и при всякой ссорѣ близкихъ людей всегда найдутся охотники переносить съ одного на другого всякую грязь и еще болѣе растравлять свѣжую рану. Не откладывай дѣла, иди, примирись скорѣе, — говорилъ обыкновенно мудрецъ обиженному.

— Какъ? Я долженъ итти мириться? — удивлялся тотъ. — Меня обидѣли, да я же первый иди съ миромъ.

— Да, ты! — спокойно говорилъ мудрецъ,— Обидчику, можетъ-быть, стыдно: онъ будетъ думать, что ты оттолкнешь его протянутую руку примиренія, а тебѣ легко, тебѣ не надо просить прощенія, тебѣ не стыдно прійти, братски протянуть руку и сказать: „мало ли

чего не бываетъ въ жизни? Погорячились; давай помиримся, забудемъ старое“.

Обиженный согласится. Тогда мудрецъ идетъ къ обидчку, успокаиваетъ того.

— Когда горитъ, — начинаетъ убѣждать мудрецъ, — некогда разбирать, кто виноватъ въ пожарѣ; надо скорѣе тушить, чтобы сильнѣе не разгорѣлось. Смотри, горитъ твоя старая дружба съ такимъ-то; пойдемъ тушить, пойдемъ мириться.

— Я бы пошелъ, — говоритъ обидчикъ. — Признаться, меня и совѣсть смущаетъ: погорячился я; можетъ-быть, лишнее что сказалъ; боюсь только, отвернется онъ, смѣяться станетъ.

— Ну, за это я ручаюсь, что не будетъ, — успокаиваетъ мудрецъ. — Обиженный самъ хочетъ мириться. Смотри, онъ идетъ къ тебѣ.

И помирились враги. Много такъ ссоръ потушилъ мудрецъ, вездѣ ему были рады, всюду встрѣчали, какъ Божьяго гостя. Если бы такъ-то и въ нашей жизни встрѣчались подобные люди, которые залѣчивали бы наши порухи и недочеты, жить стало бы много легче; а то вражду творить, переносить мусоръ и грязь, всякія обиды изъ дому въ домъ охотниковъ и старателей много, а чтобы миръ внести среди людей, — такихъ не видится. Блаженны стократъ поэтому миротворцы; они воистину Божьи сыны среди дѣтей злобы и непріязни.

Христосъ и грѣшница.

Еще болѣе великое и святое дѣло творятъ тѣ, кто вноситъ духъ мира въ отношенія не отдѣльныхъ только людей, а цѣлыхъ народовъ.

Покойный кіевскій митрополитъ Платонъ, человѣкъ золотого сердца и христіанской души, въ бытность его въ Петербургѣ служилъ однажды въ Исаакіевскомъ соборѣ. Туда во время службы зашелъ путешественникъ-англичанинъ и, узнавъ, что служитъ митрополитъ, просилъ позволенія стать вблизи, чтобы лучше видѣть служеніе. Послѣ службы англичанинъ черезъ переводчика просилъ у митрополита благословенія. Митрополитъ, благословляя, сказалъ:

— Мы съ вами люди разныхъ странъ и разной вѣры, говоримъ на различныхъ языкахъ, но я твердо вѣрю, что тѣ перегородки, какія мы, люди, понастроили между собою, не доросли до Бога, и что Онъ съ высоты небесъ одинаково любовно смотритъ на всѣхъ людей, на всѣ народы, на всѣ страны. Во имя этого Бога любви,—закончилъ митрополитъ Платонъ,—я и благословляю васъ.

Золотыя слова! Разница страны, разница цвѣта кожи, разница языка и обычаевъ, — все это перегородки, которыя мы сами понастроили между собою и которыя не доросли до неба; но зато какъ крѣпко эти перегородки стоятъ на землѣ, какъ непроницаемо отдѣляютъ народъ отъ народа! Французъ ненавидитъ нѣмца,

англичане боятся русскихъ, русскій не любитъ нѣмца и англичанина. Всѣ люди, дѣти Отца небеснаго, должны жить, какъ братья, а живутъ — какъ враги. Миръ надо вносить между народомъ, молиться о мирѣ всего міра, съ дѣтства внушать людямъ, что всѣ мы — братья.

Іоаннъ Грозный, указывая на пальцы своей руки, говорилъ: „вотъ это — сынъ Ѳеодоръ, это — его жена, невѣстка Ирина, а это — братъ ея, Борисъ. Какой палецъ ни отрѣжь, — все больно; кого ни обидь, — каждаго жалко“. Также по пальцамъ можно пересчитать разные народы; вотъ это — русскій, вотъ это—китаецъ, вотъ—англичанинъ, вотъ—турокъ, вотъ — индусъ, вотъ — нѣмецъ, еврей и т. д. Какой палецъ ни отрѣжь, — все больно; какое дитя ни обидь, — матери одинаково жалко; какой народъ ни страдаетъ, — общій Отецъ печется о немъ.

Сломить эти перегородки между людьми, настроенныя нашею злобою, сблизить людей всѣхъ странъ и народовъ въ одну братскую семью — великое дѣло, святая работа, которая ждетъ миротворцевъ. Поэтому внушайте всѣмъ и всюду, что всѣ народы — одна Божія семья и и что обижать иноплеменника —значитъ, обижать брата, оскорблять общаго Отца. Особенно внушайте это дѣтямъ, чтобы новые люди внесли съ собою новыя понятія и чувства въ жизнь. Учите ихъ любить родину, но никогда

не говорите имъ о ненависти къ врагу. Христосъ, Сынъ Божій, словомъ укрощалъ бурю въ морѣ; вы словомъ любви укрощайте вражду въ людяхъ. Несите миръ людямъ, будьте миротворцы на землѣ. „Блаженны миротворцы, ибо они сынами Божіими будутъ наречены“.

XI.

БЛАЖЕННЫ ИЗГНАННЫЕ ЗА ПРАВДУ.

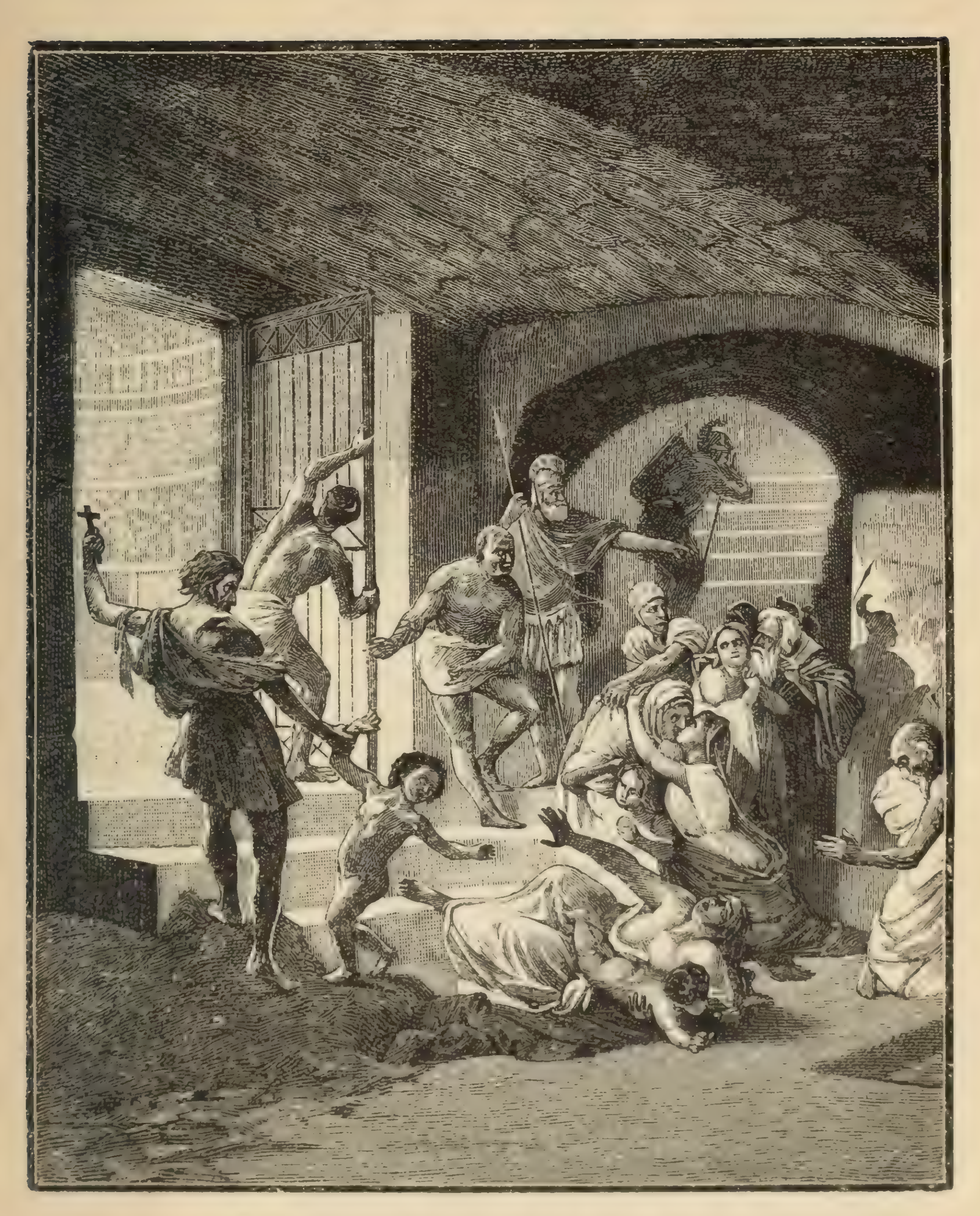
Въ Парижѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, жилъ художникъ, который работалъ надъ статуей „Истина“. Онъ хотѣлъ въ образѣ женщины такъ изобразить истину, чтобы ее сразу можно было признать по чистымъ, свѣтлымъ чертамъ и чтобы при видѣ ея у зрителя самого становилось чище на сердцѣ, свѣтлѣе на душѣ. Онъ долго работалъ надъ статуей: лѣпилъ, былъ недоволенъ, разбивалъ и снова лѣпилъ. Ему предлагали дорогіе заказы, но онъ весь ушелъ въ свою работу, зналъ только и думалъ о своей „Истинѣ“. Ради нея онъ забывалъ о себѣ: жилъ гдѣ то подъ чердакомъ въ каморкѣ, ѣлъ впроголодь, часто нечѣмъ было протопить печь. Наконецъ, работа была кончена. Художнику удалось воплотить свою мысль въ глинѣ. „Истина“ стояла передъ нимъ живою во всей своей непорочной чистотѣ и красотѣ. Художникъ былъ доволенъ собою: исполненъ трудъ, завѣщанный отъ Бога. Тогда онъ спохватился, что послѣдніе дни совсѣмъ не выходилъ изъ комнаты: печь была давно не топлена, а на

улицѣ стояла стужа. Итти куда-нибудь, просить дровъ или углей было поздно. Приходилось ждать до утра. До того времени свѣжая, сырая глина могла замерзнуть, потрескаться, и статуя — погибнуть. Тогда художникъ снимаетъ съ себя одежду, завертываетъ осторожно въ нее „Истину“, закутываетъ сверху одѣяломъ, а самъ, дрожа, ложится въ посель полураздѣтымъ. На утро пришли друзья. Развернули статую. Она умилила всѣхъ. Художникъ же въ это время лежалъ мертвымъ. Онъ закоченѣлъ; но лицо его выражало свѣтлую радость. Замерзая, онъ не чувствовалъ мученій холода. Онъ радовался, что создалъ и сберегъ „Истину“. Когда человѣкъ охваченъ какою-нибудь одною думою и заботою, онъ за нею забываетъ все остальное: можетъ подолгу не ѣсть, не пить, не замѣчаетъ страданій. Скупецъ, дрожащій надъ каждою копейкою, можетъ умереть голодной смертью на сундукѣ, полномъ золота. Солдатъ въ бою за родину не чувствуетъ смертельной раны. Очнувшись на мигъ, онъ съ предсмертнымъ хрипомъ спрашиваетъ, кто побѣдилъ, и, когда ему говорятъ, что побѣда на его сторонѣ, онъ радостно испускаетъ послѣдній вздохъ. Великій ученый древности, Архимедъ, въ часы послѣдняго боя на улицахъ его родного города, когда окончательно рѣшалась участь его страны, сидѣлъ за своими вычисленіями на земляномъ полу. Когда римскій солдатъ съ окровавленнымъ мечомъ ворвался въ его комнату и спрашивалъ его имя (при-

казано было Архимеда не трогать), Архимедъ былъ встревоженъ, что солдатъ ногами испортитъ его вычисленія. Онъ оттолкнулъ солдата, сказавъ: „не трогай моихъ чертежей!“ Для Архимеда истина знанія была дороже жизни. Вполнѣ поэтому понятно, что истина правды Божіей для людей можетъ быть также дороже достатка, благополучія и здоровья, дороже самой жизни. Евангеліе говоритъ: „Царство небесное подобно купцу, ищущему хорошихъ жемчужинъ, который нашелъ одну драгоцѣнную жемчужину, пошелъ и продалъ *все, что имѣлъ и купилъ ее*“ (Мѳ. XIII, 45—46). Посмотрите на древне-христіанскія гробницы мучениковъ. Въ нихъ покоятся тѣла изломанныхъ на пыткѣ, истерзанныхъ звѣрями, обугленныхъ на крестѣ, и, среди тысячъ священныхъ изображеній, на стѣнахъ этихъ гробницъ, нѣтъ ни малѣйшаго намека на горечь жизни почившихъ, на ужасъ ихъ смерти. Вездѣ изображены кроткіе голуби, добрый пастухъ, ягненокъ, лиліи, виноградная лоза, спѣлые колосья. Видимо, страданія и смерть за истину евангельскую не страшили христіанъ. Они знали слово Христово о томъ, что Царство Божіе силой берется, съ большимъ трудомъ, многими жертвами добывается и что только употребляющіе усиліе получаютъ его (Мѳ. XI, 12 ст.), и потому спокойно жертвовали жизнью за торжество Божіей правды. Они твердо вѣрили, что ихъ можно убить, но что истина не умираетъ и что

цѣною каждой пролитой за Царство Божіе слезы и капли пота они отвоевываютъ для него новую пядь, и это сторицею вознаграждало ихъ труды, давало имъ силы на новую работу, на новыя жертвы во имя Царства Божія въ людяхъ.

Та же работа, тѣ же труды и тѣ же жертвы предстоятъ и теперь каждому работнику Царства Божія, всякому, кто служитъ или хочетъ служить Божіей правдѣ на землѣ. Правда и ложь, добро и зло, какъ свѣтъ и тьма, какъ ледъ и пламя, ужиться вмѣстѣ не могутъ. Одно стремится уничтожить другое. Добро дѣйствуетъ открыто, честнымъ путемъ, старается образумить людей искреннимъ и сердечнымъ словомъ, будитъ уснувшую въ человѣкѣ совѣсть горячимъ призывомъ къ правдѣ Божіей. Зло, наоборотъ, стремится затушить въ зародышѣ всякій добрый починъ, всякую благую мысль. Никакими средствами оно не брезгаетъ: гдѣ можно,— дѣйствуетъ насиліемъ, нахрапомъ, гдѣ нельзя взять силою,— прибѣгаетъ къ хитрости, къ лести, къ обману; въ крайнемъ случаѣ довольствуется грязною сплетнею, скверною клеветою, обидною шуткою, злою насмѣшкою, грубымъ издѣвательствомъ. Припомните Евангеліе. Только что родился Спаситель, снизошла на землю Правда Божія, зло черезъ Ирода пытается эту Правду погубить въ колыбели. Проходитъ тридцать лѣтъ, Іисусъ молитвой и постомъ готовится къ дѣлу спасенія



Христіанскіе мученики на аренѣ цирка.

людей,—духъ зла различными способами, искушеніями и лукавствомъ пытается отклонить Его отъ Божія пути. Начинаетъ Іисусъ учить, надъ Нимъ смѣются, называютъ Его вельзевуломъ (Мѳ. XII, 24); говорятъ, что Онъ не еврей, самарянинъ, что Онъ бѣса имѣетъ въ себѣ. Таковъ неизбѣжный путь правды, добра и любви и тѣхъ, кто имъ служитъ, во имя ихъ работаетъ. Такъ было, такъ всегда есть и такъ, вѣроятно, всегда будетъ. Спаситель говорилъ Своимъ ученикамъ: „Такъ гнали пророковъ, бывшихъ прежде васъ, такъ гонятъ Меня, такъ будутъ гнать и васъ".

Больные глазами не выносятъ солнечнаго свѣта; они сердятся, когда имъ ярко свѣтятъ въ очи. Спящіе крѣпкимъ сномъ не любятъ, когда ихъ будятъ; они впросонкахъ сердятся бранятся, начинаютъ драться. Однако, когда кругомъ горитъ, мы не смотримъ на гнѣвъ спящихъ; мы стараемся ихъ разбудить, хотя бы они гнали и толкали насъ отъ себя. Хочетъ ли ребенокъ принимать горькое на вкусъ, но полезное по дѣйствію, спасительное лѣкарство или съ крикомъ, гримасами и плачемъ отказывается отъ него,—врачъ не перестаетъ предлагать его больному. Такъ же надо дѣйствовать и въ жизни, въ борьбѣ со зломъ, — не смущаться враждебною встрѣчею съ его стороны.

Жизненный путь людей густо поросъ колючимъ терніемъ неправды. Людскія злоба, рас-

путство и беззаконіе, словно дремучій лѣсъ, непроходимою чащею преграждаютъ намъ дорогу къ Богу, къ Его любви и правдѣ, къ Царствію Божію на землѣ. Надо, чтобы кто-нибудь въ этой дремучей чащѣ протопталъ дорогу къ Божіей правдѣ, прорубилъ и расчистилъ колючій тернъ, а безъ труда и царапинъ это дѣло не исполнишь: порою больно хлестнетъ вѣткою, зацѣпитъ сучкомъ, глубоко вопьются въ кожу терновыя иглы.

Когда во время войны въ упорномъ сраженіи приходится брать приступомъ вражію твердыню, окруженную рвомъ и высокими стѣнами,— первые ряды бойцовъ падаютъ сраженными, смертельно раненые или убитые. Зато по трупамъ павшихъ героевъ задніе ряды, какъ по ступенямъ, всходятъ на крѣпость, берутъ ее и разрушаютъ силу зла. На землѣ идетъ постоянная война, — война между добромъ и зломъ, и мы, ученики Христа Спасителя, призваны къ тому, чтобы подъ начальствомъ Неба во имя торжества Божіей правды вести борьбу со зломъ и ложью. Не бойтесь же царапинъ, ранъ и увѣчій; не бойтесь насмѣшекъ и клеветы зла. Подымаясь по крутой горѣ, безъ ушибовъ, паденій и царапинъ не обойтись; можетъ-быть, сверху сорвется камень навстрѣчу и больно ушибетъ. Все это возможно, но все это не можетъ васъ остановить. Крѣпко цѣпляясь за каждый встрѣчный выступъ, за кустъ, за траву, подымайтесь все выше и выше, идите къ солнцу,

къ свѣту, къ Божіему простору и оттуда, съ вершины правды Божіей, кричите стоящимъ внизу: „отъ болотной низины, отъ сумерекъ, тумановъ, изъ-подъ тяжелыхъ свинцовыхъ тучъ идите сюда: здѣсь ближе къ небу, здѣсь воздухъ чище, грудь дышитъ вольнѣе, здѣсь легче на душѣ".

Блаженны вы, когда васъ будутъ гнать въ низинѣ, когда во время вашего подъема кверху васъ будутъ поносить и гнать и всячески неправедно злословить за Христову правду. Радуйтесь и веселитесь. Такъ гнали и пророковъ, бывшихъ прежде васъ.

XII.

САМОЕ МАЛОЕ.

Въ Евангеліи Луки, въ XVI главѣ есть притча о неправедномъ управителѣ. Эта притча многихъ смущаетъ, ставитъ втупикъ [1]). Тамъ говорится, что неправедный правитель расточилъ имѣнье господина своего, и когда былъ уличенъ, то пригласилъ должниковъ господина и велѣлъ имъ переписать долговыя расписки: кто былъ долженъ сто, чтобы уменьшилъ на 50 или на 80. Затѣмъ въ Евангеліи сказано: „и похвалилъ господинъ управителя, что догадливо поступилъ". Въ заключеніе же Спаситель добавляетъ: „и Я говорю вамъ: „*пріобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ*, чтобы они, когда обнищаете, приняли васъ вѣчныя обители".

„Пріобрѣтайте себѣ друзей *богатствомъ неправеднымъ*",— вотъ слова, которыя смущаютъ читателей Евангелія и въ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ ключъ къ пониманію притчи. Что такое *богатство неправодное?* Въ XII главѣ Евангелія

*) Предварительно слѣдуетъ прочесть притчу по Евангелію, а потомъ предлагаемую статью.

Луки есть другая притча о неразумномъ богачѣ. У него былъ громадный урожай, хлѣба — дѣвать некуда. Онъ не подумалъ о другихъ, а сказалъ себѣ: „надолго хватитъ добра; буду пить, ѣсть и веселиться“. Во снѣ ночью Господь сказалъ ему: „возьму душу у тебя; умрешь, — и куда все это пойдетъ?“ Евангеліе добавляетъ: „такъ бываетъ съ тѣмъ, кто собираетъ сокровища для себя, а не въ Бога богатѣетъ“ (Лук. XII, 17 — 21).

Выходитъ можно богатѣть двояко: въ себя,— въ свою утробу, и въ Бога,— правдою Божіею. Одинъ добивается власти, почета, достатка, извѣстности; у него всѣ способности идутъ на себя. Онъ, можетъ-быть, и худого ничего не дѣлаетъ; но вся бѣда его въ томъ, что онъ не дѣлаетъ и ничего добраго. На свое благополучіе онъ кладетъ много труда и усилій, а для Божьяго дѣла не двигаетъ пальцемъ. Онъ богатѣетъ въ себя. Другой всю жизнь думаетъ о правдѣ Божіей, работаетъ для торжества любви въ людяхъ. У самого его нѣтъ, можетъ-быть, угла и корки хлѣба, но домъ Божій въ сердцахъ людскихъ онъ украшаетъ дивно, зерно евангельской пшеницы сѣетъ обильно въ человѣческія души. Нищій для себя, онъ постоянно въ Бога богатѣетъ.

Какъ богатѣемъ мы? Мы всѣ—домоправители Божіи. Господь, Владыка міра, посылаетъ насъ въ жизнь, какъ въ Свою усадьбу, чтобы мы устроили ее. Кому мы служимъ? Растимъ ли

правду, или устраиваемъ собственное благополучіе, пользуясь Божіими дарами, данными намъ на Божіе дѣло? Когда придетъ пора, какой отчетъ дадимъ мы Домовладыкѣ? Вѣдь бываютъ въ жизни случаи, когда такъ встряхнетъ, что, какъ у пьянаго хмель изъ головы, изъ души всякій туманъ выскочитъ. Приходится тогда задуматься, провѣрить каждый свой шагъ, дать отчетъ во всей своей жизни. Жаль только, что иной разъ мы такъ крѣпко спимъ, что не сразу добудятся; иные такъ обросли мхомъ, что не скоро до живого мяса, до живой души доберешься. Жаль, что, чаще всего, мы поздно приходимъ въ себя. Попробуйте въ 50 — 60 лѣтъ грамотѣ учиться. Что ребенку дается шутя, вамъ придется добывать тяжелымъ трудомъ: мозги не тѣ, устарѣли, да и пальцы заскорузли, вмѣсто буквъ, каракули станутъ выводить. Какъ тѣло съ годами теряетъ упругость и гибкость, такъ и у души пропадаетъ свѣжесть, отзывчивость и впечатлительность. Чѣмъ позже, тѣмъ труднѣе бываетъ ломать себя, поновому налаживать жизнь. Когда полоса желѣза остыла, ковать ее плохо. Поэтому управитель въ притчѣ при мысли объ отчетѣ говоритъ: „что мнѣ дѣлать? Копать — не могу, просить — стыжусь“. Начинать жизнь снова правителю уже поздно: нѣтъ способностей къ тому, все богатство души (Божіи дары) промотано; *самому сдѣлать что-нибудь доброе* нѣтъ никакой возможности.

У людей такъ много зла нагромождено въ жизни, такая груда всякой неправды насыпана, что нужно много труда и усилій, чтобы срыть все это и добраться до чистаго добра. У правителя на это силъ нѣтъ: онѣ растрачены. Онъ прямо сознается: „копать не могу“. Просить милости послѣ грубой растраты, обратиться въ нуждѣ къ Тому, къ Кому раньше всю жизнь стоялъ спиною, — стыдно. Какъ же быть тогда? Гдѣ искать спасенія? Гдѣ найти хотя бы маленькій камень, чтобы опереться на него? Хотя бы тонкую соломину, чтобы ухватиться за нее? Конецъ притчи и даетъ отвѣтъ на это: указываетъ намъ, неправеднымъ правителямъ, крайній исходъ, протягиваетъ „соломину“.

Одни евангельскія наставленія указываютъ самое высшее требованіе, напримѣръ „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“ (Мѳ. V, 48); другія, наоборотъ, указываютъ границу, ниже которой нельзя спускаться,— отмѣчаютъ предѣлъ, за которымъ, если перейти и его, конецъ всякому свѣту: наступаетъ полная тьма. Пояснимъ примѣромъ; апостолъ Павелъ пишетъ: „непрестанно молитеся“, имѣйте въ себѣ постоянно молитвенное настроеніе, пусть вся ваша жизнь будетъ сплошнымъ служеніемъ Богу и Его правдѣ на землѣ. Это — высшее требованіе, данное христіанамъ. Древнимъ евреямъ дано было иное „*шесть* дней дѣлай *вся дѣла твоя*, день же *седьмый, суббота*,— Господу Богу твоему“. Шесть дней — тебѣ, а

Лепта вдовицы.

Богу — только одинъ. Это уже крайній предѣлъ. Если человѣкъ и его не соблюдаетъ, значитъ, онъ за Бога не держится и соломиной. Вотъ такое наименьшее требованіе и указываетъ притча. Самъ правитель забрался въ такую трясину, что ему и не выбраться. Однако, онъ и тутъ можетъ сослужить службу добру: онъ можетъ предупреждать другихъ, чтобы они не шли его дорогой, которая привела его сюда. Самое ужасное у насъ то, что человѣкъ самъ тонетъ въ омутѣ жизни и другихъ тянетъ за собою.

Высшій долгъ ученика Христова — *самому* сотворить и другого тѣмъ научить исполнять волю Божію. Если же онъ не можетъ быть вожакомъ, не хватаетъ силы самому итти впереди, пусть будетъ хоть маякомъ для бредущихъ въ потемкахъ, сигнальнымъ огнемъ на вершинѣ Божіей правды; пусть если *не дѣломъ,* то словомъ, горячимъ призывомъ къ добру будитъ совѣсть людскую. Но можетъ статься, что у человѣка, какъ у правителя въ притчѣ, нѣтъ силъ ни дѣлать добро, ни призывать къ нему. Какъ быть тогда? Пригоденъ ли человѣкъ на что-нибудь въ Божьей усадьбѣ? „Да, пригоденъ“,— отвѣчаетъ притча. Если онъ не можетъ *увеличивать добро, пусть онъ хоть уменьшаетъ зло;* пусть онъ своимъ горькимъ опытомъ предостерегаетъ другихъ отъ того пути, который привелъ его самого къ такому ужасному концу.

Въ одномъ народномъ разсказѣ говорится про село, гдѣ выдался урожай, а кругомъ былъ голодъ. Счастливцы пекутъ блины, варятъ брагу, веселятся. Старый дѣдъ Өедосъ удерживаетъ: „не гоже, — говоритъ, — теперь вино да брагу пить, лепешками заѣдать. Надо о сосѣдяхъ въ бѣдѣ поболѣть сердцемъ". Мужики и парни сердились. „Не гоже, говоришь? А смолоду, что дѣлалъ? Помнишь? Это гоже было?"

— Помню, братцы, — говорилъ Өедосъ. — Худо жилъ. Не живите по-моему. Живите получшему, чтобы людямъ не было чего худого вспоминать про васъ... Не живите по-моему, — говоритъ Өедосъ. — Пусть не будетъ у васъ этого моего длиннаго списка долговъ предъ Богомъ. Тяжело его носить за спиною. Старайтесь, чтобы онъ какъ можно короче былъ. Сами по мнѣ судить можете, хорошо ли въ скверне жить. Самому гадко на себя. Уходите во время отъ зла. Пока есть возможность, доколѣ душа еще не огрубѣла, уменьшайте списокъ своихъ долговъ Домовладыкѣ, сбрасывайте грузъ съ души, работайте надъ собою, старайтесь освободиться отъ своихъ слабостей.

— Въ твоемъ спискѣ, — говоритъ Өедосъ одному, — сто мѣръ неправды; сбрось хоть половину, пусть останется пятьдесятъ. А ты этого не въ силахъ сейчасъ сдѣлать? — говоритъ онъ другому. — Тогда со ста перейди хоть на 80. На шагъ отойдешь отъ зла, все ближе къ Богу.

Такъ Өедосъ изъ своей неправедной жизни сдѣлалъ добрый урокъ другимъ людямъ. Ихъ добрыя дѣла будутъ заступниками, добрыми друзьями-ходатаями за Өедоса предъ Богомъ.

Итакъ, познавайте, что есть воля Божія. Найдя ее, служите ей и другихъ тому же учите. Если же не можете быть исполнителями правды Божіей, будьте хоть вѣстниками ея: „ходя, проповѣдуйте, что приблизилось Царствіе Божіе". Въ крайнемъ случаѣ, удерживайте хоть ближнихъ отъ зла. Не увеличиваете вы богатства праведнаго въ Божьемъ мірѣ, не умножаете добра, такъ хоть неправеднымъ богатствомъ, горькимъ опытомъ своей испорченной жизни старайтесь уменьшить зло. Дѣлу Божьему на землѣ хоть чѣмъ-нибудь принесите пользу.

Оглавленіе.